

***Вадим
Кучеренко***

**Сокровища замка
тамплиеров**

12+

Вадим Кучеренко
Сокровища Замка Тамплиеров

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кучеренко В. И.

Сокровища Замка Тамплиеров / В. И. Кучеренко — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В романе «Сокровища Замка Тамплиеров» читатель снова встретится с героями, знакомыми ему по роману «Замок тамплиеров». Бывшая московская журналистка Ульяна уже давно живет в Испании, в старинном замке, она богата и счастлива. Ей кажется, что пережитые страдания в прошлом, а в будущем - только безмятежная жизнь, радостные заботы о сыне и муже. Но неожиданно прошлое напомнило о себе. И ее дни и ночи снова наполнились страхом за жизнь близких людей и смертельными опасностями.

Содержание

Предисловие.	5
Глава 1.	11
Глава 2.	15
Глава 3.	20
Глава 4.	25
Глава 5.	32
Глава 6.	37
Глава 7.	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Вадим Кучеренко

Сокровища Замка Тамплиеров

Предисловие.

Если бы Земля была плоской, то Нью-Плимут находился бы на ее краю. Поэтому Ульяна и выбрала этот город, когда, стоя в аэропорту перед информационным табло, решала, куда ей направиться. Это была Ойкумена, заселенная и освоенная окраина известного человечеству мира, дальше которой лежали только Южный океан с бороздящими его воды сотнями тысяч айсбергов и необитаемый материк Антарктида, покрытый вечным льдом.

Именно здесь, на краю света, вдали от волнений, которые несет так называемый цивилизованный мир, она собиралась спокойно пережить время своей беременности и родить ребенка. А затем вернуться в Москву, домой. И, забыв о прошлом, в котором было так много плохого, растить свое дитя, не помышляя уже о личном счастье, поиски которого и принесли ей неисчислимые беды. Человек, которого она безумно любила, умер, и ее жизнь потеряла всякий смысл. Во всяком случае, она так думала, пока не ощутила в себе биение новой жизни. Только мысли о будущем ребенке дали ей силы жить дальше.

Нью-Плимут был идеальным местом для человека, который хотел скрыться от остального мира и в то же самое время не одичать, подобно Робинзону Крузо на затерянном в океане острове. В городе, насчитывающем менее пятидесяти тысяч жителей, имелся аэропорт, принимавший внутренние авиарейсы из Окленда и Веллингтона и чартерные рейсы, а также морской порт, железная дорога и развитая сеть междугородних автобусов, совершающих регулярные поездки по стране в любом направлении.

Прилетев в Нью-Плимут и переночевав в местной гостинице, Ульяна решила купить небольшой уютный домик на побережье, чтобы иметь возможность слушать морской прибой и любоваться океанскими закатами. Это было бы чудесно для будущего ребенка, думала она с непривычной нежностью и заботой.

Но решив обзавестись домом в Нью-Плимуте, Ульяна столкнулась с непредвиденной трудностью. За более чем скромное строение агент по недвижимости запросила с нее триста тысяч долларов, и не новозеландских, а американских. Это была невысокая худощавая темно-волосая женщина с чертами лица, выдававшими в ней представительницу коренного населения Новой Зеландии, которая упрямо называла Нью-Плимут на языке маори На Моту. Саму ее звали Атаахуа, что в переводе с маорийского означало «красивая». Она мило улыбалась, но была непреклонной, когда речь заходила о цене на недвижимость. Как показалось Ульяне, ей не нравилось, что граждане других стран покупают в их городе дома и квартиры, вступая в процесс ассимиляции с местными жителями и лишая их своих отличительных черт. В Атаахуа боролись два чувства – патриотизм и желание заработать. И периодически брало верх то одно, то другое.

В результате Ульяне удалось не приобрести, а только арендовать дом, утешив себя тем, что она сэкономила шесть процентов от его стоимости, в которые ей обошлись бы регистрационные взносы, оплата работы юристов, вознаграждения агента по недвижимости и налоги, отчисляемые с продаж. Чтобы оградить себя от каких-либо неприятных сюрпризов в будущем, она заплатила сразу за год вперед, закрепив за собой право на дом договором и обеспечив себе относительное спокойствие хотя бы на этот срок. И они расстались с Атаахуа, довольные друг другом, насколько это было возможно при подобных обстоятельствах.

Довольно скоро Ульяна убедилась, что кроме фантастических по красоте закатов в Нью-Плимуте имелся еще и климат, который не коренному жителю с непривычки мог показаться не очень приятным. В Москве было лето, а в Новой Зеландии – зима. Но зима без привычного Ульяне снега, а с проливными дождями, которые шли здесь круглый год, но особенно часто в период с июня по август. И это же было самым холодным временем года в Нью-Плимуте, когда температура не поднималась выше девяти градусов по Цельсию.

На вершине горы Эгмонт, она же Таранаки, возвышавшейся на горизонте, лежал глубокий снег. Когда гулять по берегу моря было холодно, а это случалось довольно часто, Ульяна из окна арендованного ею дома любовалась этим спящим вулканом, который в последний раз извергался более двухсот пятидесяти лет назад, о чем напоминала огромная десятикилометровая полоса выжженной земли у его подножия. Но сейчас вокруг него бурно разрослись экзотические растения, среди которых были рододендрон, меандр, азиатские лилии, гортензии, ирисы, бегонии и много других, занесенных в Красную книгу. Аллеи этого парка, красотой которого можно было наслаждаться в любое время года, полого спускались к озеру Ротоману и реке Уэйхакайхо. Этот ландшафт напоминал Ульяне библейские райские кущи на земле.

Именно в таком райском саду, считала она, когда-то жили Адам и Ева. Но первые люди на земле, как и она, потеряли его. Может быть, еще и потому, что недостаточно ценили.

Эти мысли заставляли ее часто грустить. В такие минуты она одевалась как можно теплее и уходила из дома, чтобы утомить себя прогулкой. Но шла не в Пещеру Светлячков, которая привлекала толпы туристов тем, что своды пещеры облепило огромное множество светящихся насекомых, создавая иллюзию настоящего звездного неба над головой, а на пустынный в это время года берег Тасманова моря, успокаивающий ее шумом равномерно накатывающих на берег изумрудных волн. Она уже не хотела ничего иллюзорного, обжегшись на этом и все потеряв. Даже ядовитый паук Катипо, обитавший в прибрежных дюнах, как правило, в зарослях песчаного тростника, казался ей милее удивительных светящихся насекомых. Потому что он был реальным. И угроза, исходящая от него, также была реальной. И поэтому этой опасности можно было довольно легко избежать, достаточно было обойти этого отвратительного паука стороной.

Любая иллюзия намного опаснее действительности, думала Ульяна, бродя по берегу моря и глотая горькие слезы, потому что она незрима и более привлекательна на вид. И поэтому убивает она чаще и с большей вероятностью. Если не тело, то душу наверняка.

Побродив по берегу и проголодавшись, Ульяна шла в ресторанчик, находившийся в морском порту Таранаки, недалеко от пляжа. Ее привлекала сюда просторная открытая терраса с мягкими диванами на дощатом полу, с которой можно было наблюдать за проплывающими парусниками. Приветливый, всегда улыбающийся, а, главное, молчаливый официант по имени Моана приносил ей горячие блюда из рыбы, морепродуктов или мяса, приправленные зеленью и овощами и с традиционным гарниром из картофеля фри. Порции были большими, но она съедала все, даже десерт, потому что это было хорошо для ее будущего ребенка.

Так шли дни, которые перетекали в недели, а те – в месяцы. Ребенок под ее сердцем рос, а вместе с ним росла уверенность, что все будет хорошо и дальше. Ульяне, успокоенной равномерным течением жизни, лишенной каких-либо значимых событий, уже казалось, что черная полоса в ее судьбе закончилась, уступив светлой. Но она ошибалась. И однажды наступил день, когда ей пришлось убедиться в этом.

Началось новозеландское лето. Это было лучшее время в Нью-Плимуте – уже не холодно, но еще и не изнурительно жарко. Вода в море приобрела бирюзовый оттенок. Ульяна любовалась ею, обедая, по обыкновению, в своем любимом ресторанчике. Когда она поела и собиралась расплатиться, то обнаружила, что банковской карты в сумочке нет.

Сначала она не поверила своим глазам и еще раз проверила, высыпав все содержимое сумочки на столик. Затем обшарила свои карманы. Но результат был тот же. Не сразу, но

Ульяна поняла, что либо потеряла карту, либо, что было вероятнее, ее украли, когда она этим утром посещала Художественную галерею Говетт-Брюстер и любовалась полотнами Патрика Хенли, Колина Маккаона, Майкла Иллингворта и других художников.

Криминала в Нью-Плимуте, по сравнению с другими городами, почти не было, большинство магазинов и банков не имело ни сигнализации, ни охранников. Но все же, пусть изредка, но даже здесь забирались в чужие дома, угоняли автомобили, грабили, очищали карманы рассеянных туристов. Поэтому следовало соблюдать осторожность, о которой Ульяна начисто забыла. И, судя по всему, жестоко поплатилась за это.

Она растерянно посмотрела на Моана, который терпеливо стоял рядом со столиком в ожидании.

– Я не могу найти банковской карты, – сказала Ульяна, и ее голос предательски дрогнул. – И, кажется, не смогу расплатиться.

Официант доброжелательно улыбнулся.

– Вероятнее всего, вы забыли ее дома, – успокоил он Ульяну. – С женщинами в вашем положении такое иногда бывает. Не расстраиваетесь, прошу вас! Заплатите в следующий раз.

Ульяна ухватила за эту мысль, как за спасательный круг, и перестала волноваться. Но когда она перевернула верх дном весь дом и не нашла банковской карты, ее охватил ужас. Оказаться на шестом месяце беременности в чужом городе и чужой стране, на краю света, без денег, не имея не только средств к существованию, но даже друзей или знакомых, которые могли бы ей помочь – ничего хуже этого просто быть не могло.

Единственное, что ей оставалось – это позвонить по номеру 111, по которому в Нью-Плимуте вызывали пожарную охрану, скорую помощь или полицию, и заявить о пропаже карты. Но это было бы подобно гласу вопиющего в пустыне. Недолгое общение с Атаахуа многому ее научило. Ульяна не сомневалась, что ее, иностранку, местные полицейские выслушали бы – и забыли о ней, как только она положила бы трубку. В лучшем случае, посоветовали бы обратиться в банк, который выдал ей эту карту.

Но банк находился в одной из европейских стран, кажется, в Швейцарии. У него не было филиала в Новой Зеландии. И кроме того, что у Ульяны не было денег даже на междугородный звонок, она не помнила его названия. Банковскую карту ей подарил дед ее будущего ребенка, старый китаец по имени Хенг Хо, заверив, что каждый месяц на нее будут переводить один миллион евро. И она пользовалась ею, не задумываясь, откуда поступают деньги.

И этот, и весь следующий день Ульяна не выходила из дома. Ее мучил голод, но еще больше – страх, что владельцы ресторана, в котором она не расплатилась за обед, обратятся в полицию, и ее посадят в местную тюрьму, как обыкновенную мошенницу. И этот кошмар был наименьшим из ужасов, которые ей мерещились все это время. Ульяна, как это случается с беременными женщинами, запаниковала и уже не могла рассуждать здраво или логично.

Когда утром третьего дня в дверь ее дома постучали, Ульяна решила, что это и в самом деле полиция. Но у нее уже не было сил даже бояться. И она покорно открыла дверь, готовая к самому худшему.

Но на пороге стоял не полицейский, а сухопарый мужчина среднего роста, светловолосый, с белесыми, словно у альбиноса, глазами. Если бы не глаза, он мог бы показаться даже красивым. Но этот физический недостаток восполнял шикарный костюм из тончайшей шерсти, который он носил.

– Доброе утро, – произнес он, с недоумением смотря на Ульяну, чьи волосы были растрепаны, рубашка помята и небрежно застегнута, а глаза заплаканы. Ее лицо было усталым, словно она не спала всю ночь. Так оно и было на самом деле. – Я хотел бы видеть Ульяну Рускову.

– А вы кто? – настороженно спросила она, еще не веря, что ее не арестуют прямо сейчас.

– Позвольте представиться, – вежливо и немного старомодно поклонился мужчина. – Эргюс Бэйтс, управляющий партнер юридической компании «Мартин Крюгер, Эргюс Бэйтс и Анжело Месса».

И он протянул Ульяне свою визитную карточку. Шрифт был готический, строгий, а буквы золотыми, казавшиеся особенно яркими на черном фоне.

Услышав, а затем прочитав на визитке имя Анжело Месса, она побледнела. В некотором смысле это было даже хуже, чем полиция. В свое время этот человек принес ей много неприятностей, и мог доставить намного больше, если бы не умер.

Ульяна подумала, что народная мудрость права, и беда действительно не приходит одна. Сначала потеря банковской карты, теперь вот Анжело Месса, который, кажется, пытается дотянуться до нее даже из могилы...

– Вы разрешите мне пройти? – вежливо произнес Эргюс Бэйтс.

– Зачем? – почти враждебно спросила Ульяна. Она не ждала ничего хорошего от предстоящего разговора с незнакомцем.

– Я хочу сообщить вам приятную новость, – неожиданно ответил Эргюс Бэйтс. – Но если вы настаиваете, то могу сделать это и в дверях. От этого она не станет хуже.

И он улыбнулся. Но улыбка была несколько безжизненной, и не придало его лицу привлекательности. Однако она сделала свое дело, и Ульяна пропустила мужчину в дом.

– Говорите, – сухо сказала она, когда гость прошел и устроился в глубоком кресле, стоявшем в гостиной. – Но, если можно, короче. Я ужасно себя чувствую.

– Я заметил это, – еще суше произнес Эргюс Бэйтс. Но не стал развивать эту тему, а спросил: – Вы знаете, что один из совладельцев нашей компании, Анжело Месса, умер?

– Да, – кивнула Ульяна, решив быть немногословной, чтобы не попасть в ловушку, в которую, возможно, попытается заманить ее незнакомец. Еще бы она не знала! Она сама видела, как Анжело Месса умирает в страшных муках. И не испытывала к нему никакой жалости.

– После смерти Анжело Месса осталось наследство, которое он завещал своему сыну, – получив удовлетворивший его ответ, продолжал Эргюс Бэйтс.

– Но при чем здесь я? – удивилась Ульяна. И внезапно почувствовала, как внутри нее все похолодело. Она уже начинала догадываться.

– Но его сын еще не родился, – как нечто само собой разумеющееся сказал Эргюс Бэйтс. – И, думаю, вас не удивит, если я скажу, что именно вы являетесь матерью будущего сына Анжело Месса.

Ульяна едва не рассмеялась, услышав это. А потом едва не завывала от ужаса. Все-таки Анжело Месса достал ее даже из могилы. И она не знала, как ей сейчас поступить.

Анжело Месса действительно был ее любовником. Но очень недолго. У них была всего одна ночь, после которой Ульяна разочаровалась в нем и даже возненавидела. А затем она улетела в Пекин, где встретила и полюбила настоящего отца своего будущего ребенка. Но, узнав о ее беременности, Анжело Месса посчитал, что это именно он заронил свое семя в ее чрево. Это были его собственные слова, старомодные, как и сам он. В каком-то смысле, Ульяна была виновата, не разуверив его. Ее оправданием служило то, что она смертельно боялась Анжело Месса. Это был страшный человек – если он вообще был человеком, в чем она очень сомневалась. Но, так или иначе, а он умер, и она с облегчением вздохнула, подумав, что смерть разрубила этот запутанный узел. Однако, как выяснилось теперь, она вновь поспешила. Но, как и тогда, ей снова следовало быть осторожной.

Поэтому Ульяна не стала ничего отрицать, а спросила:

– И что вы хотите от меня?

– Чтобы вы от имени вашего еще не родившегося сына вступили в права наследования, – пояснил Эргюс Бэйтс, не заметив ее мимолетного замешательства. – Анжело Месса не был

нищим, как вы понимаете. Деньги, недвижимость по всему миру... Подробный перечень того, что ему принадлежало, вы найдете в его завещании.

– А замок тамплиеров в Испании? – неожиданно спросила Ульяна. – Он тоже упомянут в завещании?

– Разумеется, – ответил Эргюс Бэйтс.

И Ульяна подумала, что справедливость все-таки существует. В этом замке она провела самые ужасные дни своего знакомства с Анжело Мессе. И теперь, из могилы, он пытается расплатиться с ней за причиненную ей обиду и унижение. И как было бы славно – швырнуть ему в лицо и этот замок, и все его богатства, пусть даже он и мертв!

Но хорошо было бы только ей, размышляла Ульяна, а не ее будущему сыну. Что его ждет, если она откажется от наследства Анжело Мессе? А так он будет богат, пусть даже ценой лжи своей матери.

И все-таки Ульяна отказалась бы, приди Эргюс Бэйтс на два дня раньше. Тогда у нее были деньги и независимость. Теперь у нее не было ничего, кроме прошлых обид.

Но она могла этим поступиться ради своего, пусть даже еще не рожденного, сына.

Все эти мысли, сумбурные и спутанные, промелькнули в ее голове почти мгновенно. Решение созрело сразу. И Ульяна, глубоко вздохнув, спросила:

– Мне надо подписать какие-то бумаги?

– Да, – кивнул Эргюс Бэйтс. – Они со мной.

Он достал бумаги, которые она подписала не читая. Хуже, чем сейчас, думала она при этом, все равно уже никогда не будет.

– И когда я могу...? – замялась она, не закончив фразы.

– Вступить во владение наследством? – уточнил Эргюс Бэйтс. И ответил: – Вы уже вступили. Так что можете возвращаться домой.

– Домой? – с удивлением посмотрела на него Ульяна. Непроизвольно она с радостью подумала о Москве, куда стремилась всей душой.

– Я имею в виду Испанию, замок тамплиеров, – пояснил Эргюс Бэйтс. Казалось, он был лишен способности чему-либо удивляться, а ответы на вопросы Ульяны у него были готовы раньше, чем она успевала их задавать. – Это, так сказать, родовое гнездо Анжело Мессе. И, я думаю, было бы правильным, если бы его наследник родился в этом замке. Уверен, что мой друг, Анжело Мессе, был бы очень рад этому.

И, неожиданно грустно улыбнувшись, что придало выражению его лица человеческие черты, которых он был лишен до этого, Эргюс Бэйтс заметил:

– Мы, старики, очень сентиментальны, знаете ли.

Ульяна с удивлением посмотрела на него. Сидящий перед ней на краешке кресла мужчина выглядел лет на сорок, не больше, и его слова о старости могли показаться только кокетством. Но она не стала разубеждать его. Эргюс Бэйтс был ей почему-то неприятен. Почти так же, как раньше Анжело Мессе.

Вероятно, не случайно они были друзьями, подумала Ульяна. Но сейчас это было не главное. У нее были другие проблемы. И их надо было решать, пока Эргюс Бэйтс, сделав свое дело, не развернулся и не ушел, оставив ее наедине со своими проблемами.

– Видите ли, господин Бэйтс, в настоящее время у меня нет ни копейки, – сказала она. – Так получилось. Поэтому едва ли я даже смогу добраться до Испании.

Эргюс Бэйтс понимающе покачал головой.

– Если хотите, то мы можем лететь вместе, – сказал он. – В моем личном самолете. Это не будет стоить вам ни гроша. – Он раздвинул губы в улыбке, давая понять, что шутит. – А затем вы откроете собственный счет в банке и уже не будете ни в чем нуждаться до конца своих дней. Если только в советах доброго друга, каким, надеюсь, я для вас останусь, как был им и для Анжело Мессе.

«Ну, это едва ли», – подумала Ульяна. Но ничего не сказала вслух. Жизнь уже научила ее скрывать свои мысли, чтобы потом не пришлось раскаиваться в своей откровенности.

Однако ей показалось, что Эргюс Бэйтс все-таки понял ее, как будто прочитал эту мысль в ее глазах. Или был очень проницательным человеком. Но он ничем не показал своей обиды. И когда она спустя полчаса собрала свои вещи, они вместе сели в лимузин, который поджидал Эргюса Бэйтса, и направились в аэропорт.

Сидя в автомобиле, в мягком удобном кресле, Ульяна устало закрыла глаза и замерла в каком-то оцепенении, впервые за последние двое суток ни о чем не беспокоясь и не думая.

Неожиданно она почувствовала, как младенец толкнул ее ножкой изнутри в живот. И все плохое и тревожное сразу забылось. Она почувствовала себя счастливой. Что бы ни случилось с ней в прошлом, в будущем, она надеялась, ее ждет только хорошее.

Глава 1.

Роскошный бледно-зеленый Rolls Royce Phantom Drophead Coupe ручной сборки подъехал к казино Монте-Карло ровно в два часа пополудни. Сверкающее в небе летнее солнце, щедро одаривавшее карликовое княжество Монако светом и теплом, отражалось в круглых фарах автомобиля, грозя ослепить любого, кто осмелился бы слишком пристально взглянуть на женщину, сидевшую за рулем. Но мало нашлось бы мужчин, кого эта угроза удержала бы. Женщина была молода и красива, и в своем бледно-зеленом вечернем платье, обтягивающем, словно змеиная кожа, ее восхитительное гибкое тело, походила на один из тех шедевров, которые изредка создает природа, чтобы порадовать себя и вызвать чувство зависти у своих конкурентов, если бы они у нее были. Из-под каре коротко подстриженных черных волос на мир смотрели темно-зеленые глаза, привыкшие к поклонению и восхищению, но немного усталые и словно слегка пресыщенные жизнью, которую вела их хозяйка.

Не успел бледно-зеленый автомобиль остановиться, как к нему поспешил подойти уже немолодой человек в фуражке с красным околышем и темном костюме с красными же обшлагами и воротником. Это был главный парковщик казино Монте-Карло, руководивший всеми остальными и редко кого из клиентов удостоивающий чести лично отогнать их автомобиль на стоянку. Но для женщины, сидевшей за рулем Rolls Royce Phantom Drophead Coupe, он охотно сделал исключение и даже не скрывал своей радости, предупредительно открывая дверцу автомобиля, чтобы она могла выйти.

– Мадам Ламиани! – воскликнул он. – Вы, как всегда, великолепны! И у вас снова новый автомобиль.

– Да, не смогла себе отказать в этом скромном подарке, – томно растягивая слова, произнесла женщина, выходя из автомобиля и одаривая главного парковщика лучезарной, но немного утомленной улыбкой. – После того, как приобрела новое платье. Они прекрасно сочетаются, вы не находите, Пьер?

– О да, ваши глаза... – пылко, несмотря на свой почтенный возраст, начал мужчина, не в силах отвести восхищенного взгляда от лица женщины.

– О, нет, я имела в виду автомобиль и мое платье, – перебила его Ламиани. И погрозила ему пальцем. – Не будьте таким льстецом, Пьер! И вообще, я подозреваю, что моя страсть к новым платьям, автомобилям и ювелирным украшениям когда-нибудь разорит меня.

Главный парковщик казино Монте-Карло, услышав это, рассмеялся, давая понять, что такое предположение не имеет под собой никаких оснований.

– Вы мне не верите? – удивленно посмотрела на него Ламиани. – А ведь я говорю чистую правду, Пьер. Кстати, вы заметили мое новое кольцо? Я приобрела его сегодня утром в вашем городке, в одном из этих милых магазинчиков на Золотой площади.

На шее женщины сверкало изумрудное кольцо, инкрустированное камнями необычайного размера и чистоты, переливающимися под солнечными лучами. Несомненно, оно стояло целого состояния. Главный парковщик оценил его с первого взгляда. И предупредительность Пьера Моро, как его звали, возросла.

– У вас прекрасный вкус, мадам Ламиани, – не смог сдержать он своего восторга. – Причем во всем. Я знаю вас уже много лет и должен сказать...

– О, Пьер, не напоминайте мне о моих годах, проведенных в вашем казино, – грустно вздохнув, снова не дала ему договорить она. – Признаюсь вам, эти годы пролетели с головокружительной быстротой. Они тают даже быстрее, чем мои деньги. Но когда я трачу деньги, то это хотя бы доставляет мне мимолетное удовольствие. От того, что я трачу свою жизнь в вашем казино, поверьте, удовольствия мало.

Но глаза женщины, когда она это говорила, противоречили ее словам. И Пьер Моро прекрасно понимал, что она лукавит. Он повидал на своем веку слишком много хайроллеров, чтобы не поверить откровению мадам Ламиани. Она была одним из наиболее ярких представителей этого племени особо азартных посетителей казино, играющих на очень крупные суммы. И уже много лет подряд проигрывала легко и без сожаления, словно помимо красоты природа одарила ее при рождении еще и философским камнем, который, если верить древним алхимикам, был способен превращать любой металл в золото. Пьер Моро, как и все остальные сотрудники казино Монте-Карло, был уверен, что мадам Ламиани либо обладает несметным состоянием, доставшимся ей в наследство от предков, либо имеет любовника, щедро оплачивающего все ее прихоти. Больше всего сторонников было у второй версии. Даже назывались имена мужчин, которые могли бы позволить себе это расточительство. Среди них были Билл Гейтс, братья Кохи, причем оба одновременно, и Чарльз, и Дэвид, престарелый Уоррен Баффет и юный Марк Цукерберг, компьютерный гений русско-американского происхождения Сергей Брин, создавший вместе с Ларри Пейджем Google. Имелись в списке и представители правящей династии Арабских Эмиратов и даже одна венценосная особа из Европы, в будущем претендующая на престол. Но ни с одним из них мадам Ламиани не была замечена даже вездесущими папарацци. Это еще больше подогревало ажиотаж вокруг нее. Сотрудники казино даже заключали пари, кто из них прав или хотя бы находился ближе к истине. Сам Пьер Моро не участвовал в этом. И в слухи не верил. Может быть, потому что он был тайно влюблен в мадам Ламиани и ревновал ее даже к мифическому любовнику. Сам он предпочитал версию сиротки, получившей баснословное наследство от какого-нибудь таинственного графа Монте-Кристо или ему подобного нувориша. Пьер Моро любил на досуге читать, предпочитая всем остальным авантюрно-приключенческие романы. Поэтому, несмотря на свой солидный возраст и род занятий, в глубине души он все еще оставался наивным романтиком.

– Я надеюсь, мадам Ламиани, что вы все-таки не разочаруетесь в нашем казино, – прерывающимся от волнения голосом произнес он. – Ведь это старейший и самый уважаемый игорный дом в Европе. Кому как не вам, с вашим тонким вкусом, оценить это!

– О, да, – с улыбкой отозвалась женщина. Она уже забыла о своей мимолетной грусти. И снова радовалась жизни. – Как сейчас помню тот день, когда открыли казино Монте-Карло, чтобы спасти княжеский дом Гримальди от банкротства. И случившийся вскоре пожар, уничтоживший все игорные залы. Это было просто ужасно!

– Но наше казино построили в 1863 году, – с улыбкой заметил Пьер Моро. Он счел слова своей собеседницы шуткой. – И этот день могла бы помнить разве ваша прабабушка.

– Пусть будет по-вашему, – беспечно отмахнулась мадам Ламиани. – В любом случае, я внесла весомый вклад в столь благородное дело. Князь Монако должен бы целовать мне руки при встрече. Вы не находите, Пьер?

Пьер Моро с готовностью закивал. Он сам был того же мнения. И искренне не понимал, как мог князь Монако, имея такую возможность, отказаться от привилегии, дарованной ему красавицей мадам Ламиани.

– Обязательно передайте ему это, Пьер, – продолжала шутить женщина. К ней вернулось превосходное настроение, с которым она приехала сюда. Предвкушение посещения казино играло в этом немалую роль. Она действительно была истинным хайроллером, и без азартной игры не мыслила своей жизни.

Но Пьер Моро принял ее слова всерьез. И с сожалением покачал головой.

– Но вы же знаете, мадам Ламиани, что коренным жителям вход в казино заказан, – сказал он почти печально. – Казино «Монте-Карло» приносит огромные доходы княжеству, но гражданам Монако не разрешается не то что играть на деньги, но даже посещать наше игорное заведение. Так что я едва ли увижу князя и смогу передать ему вашу просьбу.

Женщина с усмешкой посмотрела на пожилого мужчину, но ничего не ответила. Ей уже надоел этот разговор. За те несколько минут, которые она потратила на главного парковщика, пустая прежде парковка начала заполняться дорогостоящими феррари, бентли и роллс ройсами. В два часа пополудни казино Монте-Карло открывало свои двери для клиентов. Женщины в шикарных вечерних платьях и мужчины в смокингах и дорогих, пошитых на заказ, костюмах спешили занять свои привычные места в залах для игры в рулетку и карты, перед игровыми автоматами. Все они были, как и мадам Ламиани, хайроллерами, и не могли дождаться вечера. Многих она знала в лицо или даже по имени. И теперь приветствовала их легким наклоном головы, улыбкой, небрежным взмахом руки. С недавних пор это был ее мир, мир людей, который она искренне ненавидела. Но это не означало, что она была готова вернуться в свою прежнюю жизнь, убогую, нищую и полную унижений.

– Ключи в замке зажигания, Пьер, – небрежно бросила она, отходя от автомобиля и забыв даже попрощаться со своим собеседником.

– Желаю вам удачи, мадам Ламиани, – грустно произнес за ее спиной главный парковщик. – Надеюсь, на этот раз вам повезет.

Но она ничего не ответила. Мадам Ламиани даже не услышала его. Все ее мысли были уже за игорным столом казино. Когда она шла по площади, то в своем узком длинном платье, ослепительно сверкающем под лучами солнца, казалась змеей, которая, гибко извиваясь, преодолевала короткое расстояние от парковки до лестницы, ведущей в казино.

Здание казино Монте-Карло, некогда построенное на площади с незатейливо-символическим названием Казино в помпезном стиле эклектика, напоминало дворец, достойный французских королей и даже внешне чем-то похожий на Версаль, только другого, светло-коричневого оттенка. Его фасад, выходящий к морю, изобилует солнечными террасами, идеальными лужайками, роскошными цветочными клумбами и фонтанами. Все это великолепие находилось в окружении шикарного парка, постепенно восходящего к горным склонам, что создавало непередаваемо живописный вид.

Поднявшись по широкой каменной лестнице, мадам Ламиани оказалась в просторном вестибюле, наполненном массивными бронзовыми светильниками, античными скульптурами и картинами на аллегорические темы с преобладающим золотистым цветом. Редкий музей мира мог соперничать с казино «Монте-Карло» по красоте интерьера и обилию произведений искусства.

Однако мадам Ламиани явно осталась равнодушной к показному внешнему великолепию. Ее интересовала душа казино, его игорные залы. В отличие от многочисленных туристов, празднично гуляющих по богато украшенным залам казино и с нескрываемым интересом рассматривающих его интерьер, она была серьезным игроком. С презрением глядя на информационные таблички для игроков с минимальными ставками и игровые автоматы, она прошла целую череду великолепных помещений, включающих Салон граций, Салон ренессанс, Белый зал, Европейский салон, зал Американских игр и множество других. И оказалась у дверей, которые вели в приватные залы для привилегированных клиентов – Тузе и салон Франсуа-Медсэн. Помедлила, выбирая, в какой зайти. Она предпочитала рулетку. Но в последнее время ей фатально не везло в эту игру. Она проиграла действительно серьезные деньги, причем даже не знала точно сколько. Но хотела отыграться. Поэтому задумалась, не сыграть ли для разнообразия в американский покер или блэк джет.

Заметив, что она затрудняется с выбором, к ней тотчас подошел один из сотрудников казино. Это был степенный человек средних лет в хорошо сшитом костюме и благожелательной улыбкой на лице.

– К вашим услугам, мадам Ламиани, – вежливо поклонился он. – Могу быть вам чем-то полезным?

– Да, Алэн, – с рассеянной улыбкой взглянула на него женщина. – Скажите вашим крупье, чтобы сегодня не обдирали меня как липку.

– О, мадам Ламиани! – смущенно воскликнул мужчина, не зная, что ответить.

– Я пошутила, Алэн, – успокоила его женщина. – На самом деле, мне нужно только одно – чтобы не ограничивали ставки. Иначе мне в жизнь не отыгаться.

– О, это я могу для вас устроить, мадам Ламиани, – понизив голос почти до шепота и оглянувшись с таинственным видом вокруг, словно желая убедиться, что их не подслушивают, сказал мужчина. – Вы останетесь довольны, уверяю вас.

– Вот и славно, – заявила она. И решительно открыла дверь в один из двух залов Тузе, отдав ему предпочтение перед огромным салоном Франсуа-Медсэн, в котором в свое прошлое посещение она оставила целое состояние. Но это была единственная уступка, которую она себе позволила. Пройдя мимо столов для игры в карты, которые еще пустовали, напоминая потерпевшие крушение и выброшенные на берег суда, мадам Ламиани подошла к рулетке.

Здесь ее встретил лучезарной улыбкой молодой человек в жилетке и белой рубашке с бабочкой.

– О, мадам Ламиани! – радостно произнес он. – Рад вас видеть.

Рулетка была сделана из золота и очень дорогого дерева. Она сияла так ослепительно, словно тоже была счастлива лицезреть мадам Ламиани.

– Валери, не лукавьте, – фыркнула женщина. – Вы рады не мне, а моим деньгам. Но предупреждаю, вам придется очень потрудиться, чтобы отнять их у меня сегодня.

– Я постараюсь, мадам Ламиани, – скромно улыбнулся крупье, беря в руки шарик и произнося привычное: – Делайте ваши ставки, господа!

И он сдержал свое слово. Когда через несколько часов она встала из-за стола, сумма ее проигрыша составляла цифру с шестью нулями.

– Теперь я понимаю, почему в семнадцатом веке после смерти кардинала Мазарини вышел указ, гласивший, что всякий, кто осмелится открыть казино, будет казнен, – криво усмехнулась госпожа Ламиани.

– Времена короля Людовика Четырнадцатого давно миновали, мадам Ламиани, – улыбнулся ей Валери.

– К счастью для вашего казино, – бросила, отходя, женщина. – Но для тебя я охотно сделала бы исключение, паршивец!

Но это было единственное проявление эмоций, которое она себе позволила. Валери не услышал ее слов, или только сделал вид, что не расслышал, провожая ее по-прежнему благожелательной улыбкой. Казалось, что несколько последних часов никак не отразились на нем, и он был готов продолжить игру.

Но мадам Ламиани была уже не та. Очередное сокрушительное поражение почти надломило ее. Ее азарт угас. Она не испытывала ничего, кроме усталости и разочарования.

Глава 2.

Когда она вышла из зала Тузе, к ней снова подошел Алэн.

– Не желаете ли поужинать, мадам Ламиани? – спросил он, глядя на нее с плохо скрытым сочувствием. Он уже знал о ее огромном проигрыше. – В нашем ресторане сегодня подают восхитительное стоафи. Это сушеная треска с томатным соусом, Скажу вам по секрету, князь Монако предпочитает его всем остальным национальным блюдам. Впрочем, если вы желаете французскую или итальянскую кухню...

– Кто я такая, чтобы пренебрегать предпочтениями княжеского дома Гримальди? – усмехнулась мадам Ламиани. – Стоафи так стоафи. Мне доводилось есть кое-что и похуже сушеной трески...

Но в ресторане, пройти в которой можно было, не выходя из здания, мадам Ламиани заказала не стоафи, а фугасс, пирожки из апельсина с орехами и семенами аниса, и бутылку шампанского «Perrier Jouet Belle Epoque Blanc de Blanc». Это было самое дорогое в мире шампанское, но вкуса его она не почувствовала, несмотря на то, что выпила всю бутылку. Съела она без аппетита только половину пирожка. Все остальные блюда, которые она заказала позже, уступая настойчивости официанта, так и остались на тарелках нетронутыми.

Она пила шампанское и смотрела злыми глазами на веселящихся и смеющихся посетителей ресторана. Ее мучили жажда и раскаяние. Но раскаивалась она не в том, что пришла в казино, а в том, что не послушалась своего внутреннего голоса и не села за столик, за которым играли в покер или блэк джет. Сейчас ей казалось, что она обязательно выиграла бы в карты. Тому, кто сказал бы ей сейчас, что ею владеет болезненная страсть к игре, лудомания, она рассмеялась бы в лицо, а то и вцепилась бы в него ногтями, норовя выцарапать глаза. Иногда в мадам Ламиани, прорвавшись сквозь заслон благоприобретенных аристократических манер, просыпались привычки ее детства и бурной юности.

– Ставки сделаны, ставок больше нет, – передразнивая крупье, произнесла она. Криво усмехнулась и одним глотком опорожнила бокал с шампанским. С убеждением произнесла: – Просто мне не везет в последнее время. Но эта черная полоса скоро закончится. Я это точно знаю. В следующий раз мне обязательно повезет. Главное, не отчаиваться, детка!

Убедив саму себя, что было не так уж и трудно, она повеселела. Щелкнула пальцами, подзывая официанта. Когда тот спустя мгновение подошел, сказала:

– Запиши на мой счет, как обычно.

Но официант, вопреки обыкновению, возразил:

– К сожалению, мадам Ламиани, сегодня вечером у нас нет кредита. Вы можете расплатиться наличными или банковской карточкой. Вот ваш счет.

Мадам Ламиани возмущенно фыркнула, но все-таки протянула ему банковскую карточку, достав ее из крохотной сумочки-клатча, инкрустированной бриллиантами. На счет она даже не взглянула. Официант взял пластиковую карту и ушел.

Вернулся он быстро и с растерянным выражением лица.

– Мадам Ламиани, – почти виновато произнес он. – Простите, но ваша карточка пуста или заблокирована. У вас нет другой?

Женщина с удивлением воззрилась на официанта, словно не понимая произнесенных им слов.

– На вашей карточке нет денег, – повторил официант уже решительнее, так и не дождавсь ответа. – Если у вас нет другой карточки, не могли бы вы расплатиться наличными?

Мадам Ламиани заметила, что на них уже оглядываются другие посетители ресторана. И потому, усилием воли преодолев желание гневно закричать, сдержано сказала:

– Это какая-то ошибка. Я ваш постоянный клиент. Разве ты не знаешь меня, Лео?

– Я хорошо вас знаю, мадам Ламиани, – вежливо ответил официант. Но по его глазам было видно, что он прекрасно осведомлен и о сегодняшнем проигрыше в казино. Поэтому не намерен уступить. – Но это ничего не меняет.

Она испугалась возможного скандала и примирительно повторила:

– Я ваш постоянный клиент, Лео. Неужели нельзя ничего сделать?

Это прозвучало так беспомощно, что официант невольно сжалился над ней.

– Я спрошу у метрдотеля, мсье Бернарда, – сказал он и ушел.

Вернулся он через несколько минут с видом, не оставляющим никаких надежд.

– Мсье Бернард говорит, что вы должны заплатить, – сказал он, понизив голос, не желая, чтобы его услышали за соседними столиками. – Уже продолжительное время вы ужинаете в нашем ресторане в долг. Накопилась слишком большая сумма. Мсье Бернард говорит...

– А почему он сам ко мне не подошел и не сказал всего этого? – перебила его женщина. И повелительным тоном приказала: – Позови его, Лео! И мы уладим с ним это пустяковое недоразумение.

Но официант только пожал плечами, никуда не собираясь идти, видимо, получив на этот счет строгие указания от метрдотеля. Сообразив это, мадам Ламиани сникла. Она поняла, что ей никто и ничто не поможет, и придется либо заплатить, либо... О том, что будет, если она не заплатит, мадам Ламиани даже не хотела думать. Возможно, полиция, в которой она могла оказаться, была бы наименьшим из зол. Но по некоторым причинам она не хотела иметь дела с полицией.

Мадам Ламиани сняла с себя жемчужное ожерелье и бросила его на столик.

– Надеюсь, у мсье Бернарда достаточно ума, чтобы понять, что это ожерелье стоит намного больше, чем этот ужин в ресторане, да и весь мой долг, – презрительно произнесла она. – Скажите ему... Впрочем, ничего не говорите. Просто отнесите. И спросите, в расчете ли мы.

Официант взял ожерелье и ушел. Вернулся он уже без ювелирного украшения и проявлял прежнюю почтительность.

– Мсье Бернард говорит, что счет оплачен, – сказал он почти торжественно. – И он надеется, что это маленькое недоразумение никак не отразится на вашем, мадам Ламиани, отношении к нашему заведению.

– Черта с два, – зло буркнула мадам Ламиани. – А чтобы его не мучили сомнения, передайте ему от меня еще вот это.

Она вложила в руку растерянного официанта недоеденный пирожок и вышла из зала ресторана с гордо поднятой головой походкой извивающейся в траве змеи.

Когда она вышла из здания казино, в небе висела луна, почти не видная из-за того, что и само здание, и вся площадь были залиты искусственным золотистым светом. Мадам Ламиани глубоко вздохнула, ощутив вкус и свежесть ночного воздуха. Она едва сдерживала слезы. Но еще больших усилий ей стоило сдержать свой гнев, который почти ослеплял ее разум. Однако злилась она не на сотрудников казино или ресторана, а на весь мир, который был к ней всегда беспощаден. Она понимала, что так будет и впредь. Несколько лет перемирия, которые она отвоевала себе путем преступления, закончились – вместе с деньгами, которыми с ней расплатился заказчик убийства. И надо было начинать все заново. Снова пробивать себе дорогу к богатству и обеспеченной жизни. Но к этому она была не готова. Слишком изнежилась. И, главное, отвыкла от унижений и обид, с которыми ей придется неизбежно столкнуться на этом пути.

Едва она спустилась с лестницы, как к ней подъехал бледно-зеленый ролс ройс. Из автомобиля вышел Пьер Моро. В искусственном освещении красные обшлага его пиджака пугали, казалось, он по локоть запачкал свои руки в крови.

– Ваши ключи, мадам Ламиани, – сочувственно произнес он. Разумеется, главный парковщик также уже знал о ее проигрыше, а, возможно, и об инциденте в ресторане. Слухи среди сотрудников казино распространялись стремительно. – Надеюсь, вы в порядке?

– У меня все хорошо, Пьер, – зло усмехнулась она. – Жаль только, что я не смогу дать вам на чай. Если только вы не захотите, чтобы я расплатилась с вами этой машиной. Или предпочитаете мое тело?

– Что вы такое говорите, мадам Ламиани, – почти испуганно произнес Пьер Моро. – Господь с вами!

– Ты прав, старик, – сказала госпожа Ламиани, садясь за руль автомобиля. И произнесла на непонятном языке: – *Est modus in rebus.*

Пьер Моро не понял эту фразу, которая в переводе с древнего, для людей давно уже умершего, языка означала «всему есть предел». Но его напугал тон, которым она была произнесена. И долго еще после того, как ролс ройс скрылся из вида, он провожал его взглядом, полным страха и сострадания.

Княжество Монако было невелико по размеру. Уже через несколько минут бледно-зеленый ролс ройс остановился на высоком, скалистом берегу, с которого открывался прекрасный вид на Лигурийское море, огражденное с севера и востока Альпами, надежно защищающими Монако от холодных северных ветров. Легкий морской бриз освежал воздух, нагретый днем солнцем. Мадам Ламиани вышла из автомобиля и подошла к краю скалы. Всего один шаг отделял ее от бездны. И она собиралась его сделать.

Но внезапно чайка с протяжным криком, словно жалуясь, что она заблудилась во тьме, пролетела перед ее лицом. Женщина отшатнулась, невольно вскрикнув. А когда она снова встала на край пропасти, решимость уже покинула ее.

– Я не хочу умирать, – произнесла она вслух, словно пытаясь убедить саму себя.

Чайка летала над ней, жалобно крича. Внизу тихо плескалось теплое море. Воздух был свеж и сладок на вкус. Жизнь стояла того, чтобы бороться за нее.

И когда она поняла это, ей в голову пришла мысль, которая показалась весьма разумной и вызывала удивление только тем, что она не подумала об этом раньше. Это был единственный выход из создавшегося положения. И она имела право им воспользоваться.

Она достала из сумочки мобильный телефон и набрала номер, который старалась забыть все последние годы. А также все, что было с ним связано. Но оказалось, что это был только самообман. Когда появилась такая необходимость, она все сразу вспомнила.

Голос, который отозвался на ее звонок, был густой и сочный, словно не полностью прожаренный бифштекс с кровью. Даже не зная, можно было догадаться, что его обладатель любил вкусно покушать и был, что называется, чревоугодником.

– Мартин Крюгер слушает. Кто это?

Мадам Ламиани помедлила, словно собираясь с духом, а затем тихо сказала:

– Это я, Ламия. – И с надеждой спросила: – Ты помнишь меня?

Ей ответили не сразу.

– Что тебе надо? – спросил Мартин Крюгер, не скрывая своего недовольства.

– У меня закончились деньги, – честно призналась Ламия. – И я не знаю, что мне делать.

– Утопись, – хмыкнув, сказал Мартин Крюгер. – Или прыгни в жерло вулкана. Это сразу решит все твои финансовые проблемы.

– Мне не до шуток, – дрогнувшим голосом сказала Ламия.

– А кто тебе сказал, что я шучу? – неприятно удивился ее собеседник. – Ты, кажется, забыла, что пять лет тому назад я запретил тебе звонить и напоминать мне о себе.

– Но после того, что я для тебя сделала... Я рассчитывала... – залепетала Ламия.

– А что ты такого сделала? Подложила взрывчатку в самолет, в котором летел один мерзкий тип, вздумавший меня шантажировать. Кажется, его звали Альк, если я не забыл. Так за

это я расплатился с тобой сполна. Если бы ты не транжирила деньги, их с лихвой хватило бы на всю твою жизнь. Кстати, Алька ты тоже ненавидела. И с радостью согласилась его убить. Или ты действительно все забыла? Не заставляй меня напоминать. Не то я могу рассердиться.

Мартин Крюгер говорил лениво, не повышая голоса, но каждое произнесенное им слово как будто било женщину наотмашь, вызывая слезы на глазах. Она почувствовала отчаяние.

– Я на грани самоубийства, – сказала она, пытаясь вызвать у своего собеседника жалость. – Ты должен мне помочь.

– Почему? – деланно удивился Мартин Крюгер. – Назови хотя бы одну причину.

– Хотя бы потому, что я могу тебе еще пригодиться.

– Не можешь, – возразил он. – И вообще, ты мертва. Тебя не существует. Для всех ты также летела в том пропавшем самолете. И разбилась вместе с ним. Так что не советую тебе восставать из могилы. У Алька много сородичей. И они мстительны, как все рароги. Они обязательно захотят узнать, как ты, стюардесса, сумела выжить в той авиакатастрофе. Но ты не сможешь ответить на этот вопрос. И знаешь почему?

– Почему? – глухо переспросила она, зная ответ.

– Потому что ты будешь уже мертва. Действительно мертва. Ты меня понимаешь?

– Понимаю.

– Вот и хорошо, – удовлетворенно произнес Мартин Крюгер. – Я всегда знал, что ты умная девочка, Ламия. Поэтому сделай одолжение и мне, и себе – не звони больше. Никогда. И если я говорю никогда, то это значит – никогда. Исключения быть не может даже в том случае, если ты позвонишь мне с того света, чтобы сообщить о своем самоубийстве.

Раздалось пыхтение вперемежку со взвизгиванием. Это Мартин Крюгер смеялся над собственной шуткой. Затем в телефоне зазвучали короткие гудки.

– Проклятый гном! – злобно прошипела Ламия.

Она с ненавистью посмотрела на свой телефон, как будто он был в чем-то виноват. Но Ламия знала, что Мартин Крюгер не шутил, предостерегая ее от еще одного звонка. И, чтобы оградить себя от искушения в будущем, она, не откладывая это на потом, удалила из телефона его номер. Несмотря на отчаяние, Ламия очень хотела жить.

Но не в нищете.

Разговор с Мартином Крюгером невольно воскресил в ее памяти события пятилетней давности. Она не жалела о том, что по приказу Крюгера заложила в самолет взрывное устройство, в результате чего погиб Альк и еще несколько человек. В прошлом на ее совести были деяния и похуже. Но ее не оставляло сожаление в том, что она не сумела использовать шанс, который ей представился, когда она работала на личном самолете Анжело Мессии стюардессой.

Анжело Мессии часто летал, устраивая свои дела. Это привело к тому, что однажды в полете он перепил коньяка и в пьяном угаре грубо овладел ею. Она восприняла это без истерики, как само собой разумеющееся. После этого он стал ее любовником, иногда даже брал с собой в принадлежащий ему замок тамплиеров, когда у нее были выходные дни. Их связь длилась долго, пока он не умер. И если бы не его русская пассия, случайно забеременевшая от него и родившая ему ребенка, то, не исключено, он сделал бы именно ее, Ламию, своей женой и законной наследницей. Помимо денег он владел недвижимостью, которую приобретал, порой весьма хаотично, по всему миру. Все это баснословное состояние могло бы теперь принадлежать ей.

Эта мысль вызвала гнев Ламии. В приступе злобы она даже зашипела, словно змея. Ламия уже забыла о том, как в свое время предала Анжело Мессии, согласившись на предложение Мартина Крюгера шпионить за ним. Они были компаньонами, и Крюгер, опасаясь за свои деньги, хотел знать о нем как можно больше, каждый его шаг. Во всяком случае, так он ей объяснил. И она поставляла ему эту информацию. А он щедро платил. Он был намного щедрее

Анжело Месси, который чаще всего пользовался ее услугами бесплатно. И это оправдывало Ламию в собственных глазах.

И теперь она думала, что это несправедливо. Они обе, она и Ульяна, удовлетворяли похоть Анжело Месси. Но ей – ничего, а другой – все. Так не должно быть. И потому так не будет.

Мысленно произнеся это, Ламия с облегчением рассмеялась. Решение, которое пришло к ней, не вызвало ни малейшего сомнения. Она села в автомобиль. Выехала на шоссе, ведущее в сторону Испании. Увеличила скорость. Ей предстояло проехать тысячу с лишним километров. И она рассчитывала преодолеть это расстояние за ночь.

Там, в Испании, недалеко от городка Леон, находился древний рыцарский замок, в котором она не раз бывала раньше, когда еще был жив его прежний владелец. Теперь там жила его вдова с сыном. Но это ничего не меняло. Она, Ламия, также была его вдовой, пусть и не официальной. И имела право на свою долю в наследстве.

Мадам Ламиани считала, что нынешние обитатели замка должны оплатить счет, который она собиралась им выставить.

И она была уверена, что они оплатят.

– Antiquo more, – повторяла и повторяла она, разжигая в себе первобытную ярость. – Повинуясь старинному обычаю.

Ночь становилась все темнее. И автомобиль, которым управляла Ламия, казался хищной птицей, пролетающей над шоссе со злобным клекотом и сверкающими от ненависти глазами.

Глава 3.

Серовато-коричневая, с красноватым оттенком, змея бесшумно ползла в густой зеленой траве, изредка приподнимая широкоую, треугольной формы, покрытую маленькими чешуйками голову, словно осматриваясь, и снова продолжая движение. Зигзагообразная с темными краями полоса на ее спине извивалась вслед за узким длинным телом, не оставляющим следов там, где она проползала. Трава с неслышным шелестом смыкалась за хвостом рептилии, скрывая ее от человеческих глаз. Но затем начались камни. Раскаленные солнцем днем, за ночь они остыли и не стали змее помехой. Она заползла на подъемный мост, перекинутый через глубокий и широкий ров, опоясывающий замок. Осмотрелась и направилась к арке, соединявшей две большие зубчатые башни. Массивную стальную решетку с мелкими ячейками змея преодолела, не задерживаясь. Став почти невидимой среди серых, покрытых пылью, гранитных плит, она проползла через двор, безлюдный в этот предраассветный час. И скрылась, юркнув в щель между замшелыми камнями, из которых были сложены стены замка. Затаилась в ожидании.

Ульяна знала, что змея ждет ее или Ксиу. Ей не были нужны другие обитатели замка. Змею вел не инстинкт, а месть. Где-то и когда-то они уже встречались, а, быть может, ее логово, находящееся в окрестностях замка, было разорено по приказу Ульяны, опасавшейся, что змеи расплодятся и станут угрозой людям. Но так или иначе, а змея решила отомстить, проползла на рассвете в замок и притаилась, слившись с камнями. Она была невидима, что делало ее еще более грозной. В отличие от других местных змей, средиземноморских и испанских гадюк, ее укус был смертелен для человека.

Ульяна никогда не была пугливой, но на этот раз испугалась – не за себя, а за своего сына, за Ксиу. Он, в отличие от нее, не знал о змее и угрожавшей ему опасности. И она не могла предостеречь его, потому что сына не было рядом. А когда она решила найти его, то не сумела сделать ни шага. Это было ужаснее всего. Ноги Ульяны отяжелели и отказывались ей служить. Она запаниковала. Попробовала закричать – но ни звука не вырвалось из пересохшего от ужаса горла. Она могла только смотреть. И ждать. Ждать, когда Ксиу выбежит во двор, веселый и беспечный, как все мальчишки его возраста, и встретится со змеей, решившей совершить возмездие даже ценой своей жизни.

Или это была не змея? Ульяна уже и сама этого не знала. Возможно, это был кто-то, только принявший облик змеи, но от этого не менее грозный.

Ульяна чувствовала, что готова умереть за своего сына, но была не в силах принести эту жертву. И это чувство беспомощности было ужаснее всего, что она пережила когда-либо в своей жизни.

Она почти физически ощущала, как ее рыжие волосы словно покрываются инеем, становясь седыми. Взглянула в зеркало, висевшее напротив нее на стене. И увидела себя, но только лежавшей в кровати под шелковым светло-голубым балдахином и мирно спящей.

«Так это сон», – с облегчением подумала она.

И проснулась.

Солнечные лучи проникали через окна ее спальни, окрашивая все вокруг в дымчато-золотистый цвет. Прошло уже много времени с тех пор, когда Ульяна просыпалась, словно выныривая из мрачной бездны, не помня своих сновидений. Теперь ее сны были светлы, прозрачны и радостны. Они оставались в памяти Ульяны после пробуждения, радуя ее. Но в сегодняшнем сне все было серым, даже небо, затянутое предраассветным туманом. И она забыла его. Осталась только смутная тревога, ощущение угрожающей ей неведомой опасности. Но и это быстро прошло, забылось, уступая место неизменному ощущению счастья, с которым она жила несколько последних лет.

Комната, служившая ей спальней, была просторной, а громадная кровать занимала немалую ее часть, но сейчас Ульяна лежала в ней одна, почти затерявшись среди множества подушек самых разных размеров и форм. Она любила подкладывать подушки под голову, руки и ноги, чувствуя их податливую мягкость. Но еще больше она любила просыпаться рядом с мужем и прикасаться к нему, ощущая тепло его большого и сильного тела, слышать его ровное размеренное дыхание и думать о том, как она счастлива.

Но Артура в кровати не было. Вероятнее всего, он встал раньше и ушел вместе с Ксиу к реке или в лес. Ульяна вспомнила, как муж и сын накануне вечером таинственно перемигивались и перешептывались за ее спиной, словно заговорщики. Она любила поспать по утрам. А, просыпаясь, видеть их лица. Сначала Артура, а затем, пройдя в комнату сына, Ксиу. Они же оба вставали рано и не хотели ждать, без дела бродя по замку, пока она выспится. Их манил не до конца исследованный мир, который начинался сразу за крепостными стенами. Но, не желая ее огорчать, они рассчитывали вернуться до ее пробуждения, как это чаще всего и бывало каждое утро. И если бы Ульяна не проснулась раньше обычного часа, растревоженная кошмарным сном, так бы и случилось.

Но она проснулась и, не увидев мужа, почувствовала себя одинокой. Одна на большой кровати, в огромной комнате, в громадном замке. Для нее одной всего этого было слишком много. И, не отказав себе в удовольствии еще немного понежиться под пуховым, несмотря на лето, одеялом, потягиваясь и сладко зевая, она встала, вместо привычного шелкового халата надела шорты, майку, кроссовки и вышла из спальни. Прошла длинным коридором, уставленным через равные промежутки рыцарскими доспехами с опущенными забралами, что создавало иллюзию стоявших на страже рыцарей, открыла обитую гвоздями с широкими шляпками низкую дубовую дверь и по узкой винтовой лестнице поднялась на смотровую площадку самой высокой башни замка.

Отсюда открывался потрясающий вид на окрестности, не оставляющий ее равнодушным уже много лет, сколько бы она им ни любовалась. Местность вокруг замка, построенного на вершине холма, утопала в зелени густых лесов и цветущих садов, расступающейся только для того, чтобы дать место двум речушкам, которые, сливаясь, дальше текли одной полноводной рекой, сверкающей, словно ограненный бриллиант, под лучами солнца. Во многом именно из-за этого фантастического по красоте пейзажа она и согласилась переехать в замок тамплиеров, доставшийся ее сыну по завещанию его бывшего владельца.

Невольно вспомнив об Анжело Мессе, Ульяна на мгновение нахмурилась. Но это прекрасное солнечное утро она не собиралась посвящать воспоминаниям о трагической поре своей жизни. С тех пор многое, даже все, изменилось. Она родила Ксиу. Встретила Артура и стала его женой. Безумно любила обоих. И сейчас, слушая мерный шум воды и ощущая пьянящие запахи трав и цветов, которые доносил до нее ветер, она наслаждалась жизнью и желала только одного – чтобы так было вечно и ничто не менялось. Ей не было и тридцати, она все еще была красива, любила и была любима. Лучше уже быть не могло, а хуже она не хотела. И, что удивительно, даже беспокойный и мятежный дух, которому она когда-то дала имя Дэнди, живущий в глубинах ее души, думал так же. Уже много лет она жила с ним в полном согласии и вытекающем отсюда душевном покое.

Подставив лицо теплему благоухающему ветру, Ульяна бездумно любовалась пейзажем и наслаждалась своим счастьем, когда до нее донеслись голоса, идущие снизу и что-то оживленно обсуждавшие.

Один из них Ульяна узнала. Это был голос Фолета, исполняющего в замке обязанности дворецкого и на этом основании без зазрения совести помыкающего всеми остальными работниками, даже теми, кто от него не зависел – конюхом или поваром. Только беззлобный нрав старичка позволял избегать конфликтов, казалось бы, неизбежных при таких взаимоотношениях. Обычно все без возражений выслушивали его советы или распоряжения, после чего про-

должали исполнять свои обязанности, как они считали нужным, или как это предписывала им Ульяна. Но на этот раз, видимо, нашла коса на камень. Возможно, кто-то осмелился высказать свое мнение, из-за чего Фолет разъярился не на шутку. И, обычно тихий, сейчас он почти кричал, на чем-то настаивая.

Выждав какое-то время, Ульяна поняла, что без ее вмешательства ситуация не разрешится. И, вздохнув, направилась к винтовой лестнице, чтобы спуститься во внутренний двор замка, где разгорелся спор.

Вымощенный каменными плитами дворик, заключенный между крепостными стенами, был полон народу и, соответственно, суеты, сопутствующей любому столпотворению. Здесь собрались все обитатели замка, включая трех горничных, экономку, повара, конюха и дворецкого. Сегодня, в честь праздника Вознесения Девы Марии, который в Испании традиционно отмечается 15 августа, в замок должны были прийти жители окрестных селений, чтобы повеселиться, попеть народные испанские песни и потанцевать.

Традицию устраивать вечеринки, чтобы отметить то или иное событие, ввела Ульяна, когда поселилась в здешних местах. Не сразу, но она прижилась. Замок, который раньше отпугивал местных жителей своей мрачностью и нелюдимостью, стал привлекать их. И с каждым разом участников становилось все больше и больше. Прослышав о том, что новая хозяйка замка тамплиеров, рыжеволосая молодая красавица, да к тому же еще отзывчивая и добрая, превосходно танцует фламенко, любители и профессиональные исполнители этого танца, которых в Испании во все времена было великое множество, приезжали даже из Леона, чтобы посмотреть на нее и, конечно, показать свое мастерство.

Ульяна не жалела денег на то, чтобы вволю накормить и напоить тех, кто в эти дни приходил в замок. Зимой праздновали в огромном каминном зале, где хватало места всем. В теплое время года – во дворе. В этот вечер под открытым небом разводили костры, над ними устанавливали огромные котлы, в которых варили любимые всеми блюда, главным из которых была, разумеется, национальная кулинарная гордость испанцев – паэлья.

Как вскоре выяснила Ульяна, именно из-за вечернего угощения и пришел в небывалую ярость Фолет, когда ему сказали, что, вопреки обыкновению, накануне вечером в замок не доставили морепродукты, которые наряду с рисом и шафраном были главной составляющей паэльи.

– Это оскорбление, которое было нанесено лично мне, – мрачно глядя на Ульяну, сказал крохотный старичок, одетый, по своему обыкновению, в заплатанную красную куртку и не менее поношенные штаны синего цвета. На голове у него скосбочилась шапка, напоминающая фригийский колпак, со свисающим на лоб верхом и двумя клапанами на ушах. Привыкнув к жизни в замкнутом прохладном пространстве замка, на свежем воздухе Фолет зяб даже летом и потому всегда одевался как можно теплее, невзирая на сияющее солнце.

– Почему ты так говоришь, Фолет? – улыбаясь, спросила Ульяна. Она любила этого забавного старика, который неоднократно доказывал ей свою преданность и готов был пожертвовать своей жизнью ради нее. – Это просто стечение обстоятельств.

– Нет, это коварный заговор, – упорствовал Фолет. – Они хотят, чтобы я осрамился перед моей Марой.

– Так она все-таки придет на этот раз? – радостно спросила Ульяна.

– Вознесение Девы Марии – большой праздник, – хмуро ответил Фолет. – Мне удалось уговорить ее прийти. Возможно, она даже будет танцевать.

Ульяна знала, что Марой звали жену Фолета, которую он одинаково сильно обожал и боялся. Старик всерьез уверял Ульяну, что его жена была песантой – так в Испании издавна называли женщин, имеющих весьма скверный характер и получивших из-за этого репутацию ведьмы. Только ради собственного удовольствия песанта могла перевернуть все в доме вверх дном, переломать мебель, порвать занавески и белье и натворить много других бед.

Ульяна и верила и не верила в это. Как и в то, что Фолет был домовым, в стародавние времена по собственной воле избравшим местом своего жительства этот замок. Так он сам утверждал. Но верно было и то, что никто из местных жителей не помнил, когда старик поселился в замке тамплиеров – это было так давно, что уже умерли все, кто мог пролить свет на это событие. А Фолет жил и здравствовал и, казалось, становился с годами только бодрее, словно он и в самом деле был не человеком из плоти и крови, а духом. Из всех возможных недугов Фолета беспокоила только легкая хромота, но, как он говорил, та была дарована ему при рождении, как всем представителям его древнего рода, имеющего прямое отношение к духам природы.

Пока Ульяна раздумывала, как ей поступить в создавшейся ситуации, а Фолет нетерпеливо переминался с ноги на ногу, ожидая ее решения, к ним подошел мужчина средних лет в лихо заломленном набок белом колпаке и сверкающем белизной переднике. Это был повар, которого Ульяна, любившая кормить мужа и сына сама, наняла в основном для того, чтобы он готовил субботние угощения и для остальных работников. Звали его Гомес. Это был дородный широкоплечий малый с бритым лицом и пухлыми красными щеками, над которыми весело поблескивали маленькие глазки, выдававшие в нем любителя опрокинуть на досуге стаканчик с хорошим вином. Он горой возвышался над Фолетом, напоминая библейского Голиафа, готовящегося сразиться с Давидом.

– Паэлью можно приготовить и без креветок, – снисходительно глядя на Фолета, пророкотал он густым басом, – В тех краях, откуда я родом, вместо морепродуктов часто используют курицу или кролика. Получается не менее вкусно и сытно.

Услышав это, Фолет на какое-то мгновение даже онемел от возмущения. И только открывал и закрывал рот, не в силах произнести ни звука. Наконец он гневно, словно рассерженная мышь, пропищал:

– Никогда! – И для большей убедительности повторил, грозя повару своим маленьким, заросшим густыми черными волосами, пальцем: – Никогда!

Затем он повернулся к Ульяне и заявил, сердито сверкая глазами:

– Если я попытаюсь накормить мою Мару паэльей без морепродуктов, она будет смеяться надо мной целый век. И уж точно ноги ее больше не будет в замке, где гостей кормят всякой дрянью. А, значит, и моей тоже!

Это был веский аргумент, против которого не могло быть возражений. Все знали, что хозяйка замка ни за что не расстанется со своим дворецким. Могучий Голиаф был в очередной раз побежден тщедушным Давидом, причем без особого труда.

– И что ты предлагаешь взамен, Фолет? – мягко спросила Ульяна, не вступая в спор. – Мы же не можем оставить наших гостей голодными.

– Разумеется, нет, – с достоинством ответил старичок. – У нас еще есть время, чтобы приготовить тортилью, чоризо и хамон. Это будет и вкусно, и сытно. – Фолет взглянул на Гомеса снизу вверх с таким видом, словно разговаривал с карликом, а сам он был великаном. – Надеюсь, в тех краях, откуда ты родом, Гомес, еще не разучились готовить эти истинно испанские блюда.

– Предлагаю согласовать рецепт, – хмуро произнес Гомес, признавая свое поражение в битве, но давая понять, что война еще не проиграна. – Во избежание возможных недоразумений. К примеру, сколько яиц класть в тортилью, чтобы это блюдо не вызвало смеха многоуважаемой мной Мары?

– Как можно меньше, – спокойно ответил Фолет. Он добился своего и снова превратился в мирного покладистого старичка, каким обычно и был. – Главное в тортилье – это картофель и репчатый лук. Сначала хорошенько их обжарь, затем смешай с сырыми яйцами и обжарь снова. В результате выйдет толстая круглая лепешка, которую можно нарезать и подать на стол в качестве закуски.

– Чоризо должна быть острой или немного сладковатой на вкус? – не унимался разобитый Гомес. – Ее подавать в свежем виде или немного подкоптить?

– Как твоей душевке угодно, – отмахнулся Фолет. Он уже устал от этого гастрономического разговора. – Главное, чтобы в этой свиной колбасе было достаточно чеснока и паприки. Или моя Мара...

– Мара останется довольной, – не очень вежливо перебил его Гомес. Ему, по всей видимости, тоже начала надоедать эта беседа, умаляющая его достоинство повара. – Как, надеюсь, и хамоном. Ради праздника я подам не хамон серрано, а хамон иберико. В замке большой запас вяленых ног свиной чёрной породы. Хватит на всех и не на одну субботу. Но лично меня волнует только один вопрос.

– Это какой же? – осторожно, словно ожидая подвоха, спросил Фолет.

– Какое вино гости будут пить, – неожиданно улыбнулся Гомес. По всей видимости, мысль о напитках улучшила его настроение. – Предлагаю красную Риоху.

– Хороший выбор, – заявил Фолет и даже невольно облизнулся, предвкушая, как он будет пить это всеми любимое вино. – Вижу, что в тех краях, откуда ты родом, Гомес, понимают толк в хорошей выпивке.

– Еще бы, – весело подмигнул ему Гомес. – И вечером я тебе это докажу, старина.

Гомес ласково похлопал Фолета по плечу, и они снова стали закадычными друзьями, какими и были до спора, вызванного тонкостями приготовления паэлья.

Глава 4.

Ульяна с нескрываемым удовольствием наблюдала за примирением Фолета и Гомеса. Дворецкий и повар были своего рода аристократами среди работников замка, и от их расположения духа во многом зависела атмосфера, которая будет сопутствовать субботнему празднику. Пока все, несмотря на недоразумение, как она считала, с доставкой морепродуктов, обещало хороший вечер.

Но что-то неосознанное ее все-таки тревожило, а потому она, сама не понимая, почему это делает, спросила:

– Фолет, ты не знаешь, в лесах вокруг замка водятся змеи?

Старичок переглянулся с Гомесом, и в глазах обоих проскользнуло недоумение.

– Оленей, зайцев, белок, кротов и даже диких кабанов я видел, – сказал Фолет. – Рыжих кекликов, голубых сорок, цапель, фламинго и белого аиста тоже. Но вот змей... Почему-то они не любят заползать в окрестности замка.

– Я так думаю, потому что змеи очень разумные твари, – вступил в разговор Гомес, хитро поблескивая глазами. – Кому захочется иметь дело с тобой, Фолет?

Старичок с подозрением посмотрел на Гомеса, словно раздумывая, принять его слова за похвалу или за насмешку.

Ульяна поспешила вмешаться, пока снова не вспыхнула перепалка.

– Фолет, а ты не видел Ксиу и Артура? Я почему-то беспокоюсь за них.

– Это еще почему? – не смог сдержать удивления старичок. – То какие-то змеи, то еще того хлеще... С тобой все в порядке, девочка? Очень уж ты нервная сегодня с утра.

Ульяна невольно улыбнулась. Фолет любил, что называется, переключившись с больной головы на здоровую. Так, в своем плохом настроении и сопутствующей ему сварливости он обычно обвинял кого угодно, но только не себя. Это всем было известно. И даже Гомес громко фыркнул, скрывая смех. Но, поймав возмущенный взгляд Фолета, не стал дожидаться его расспросов по поводу своего неожиданной веселости, а, отвлекая от себя внимание, обратился к Ульяне.

– Я их видел. Ваш муж и сын выходили рано утром из ворот замка, – сказал он. – Помню, я еще подумал, почему они не взяли лошадей, если захотели совершить утреннюю прогулку.

– Какой ты бестолковый, Гомес, – возмущенно произнес Фолет. – Не взяли лошадей, потому что опасались перебудить всех в замке. Лошади могли заржать, опять же, подковы стучат о камни. Да и с лопатами сподручнее пешком...

Фолет смолк с виноватым видом, поняв, что проговорился.

– С лопатами, говоришь? – покачала головой Ульяна. – Значит, снова пошли на поиски кладов. И когда только они уйдут? Ты случайно не знаешь, Фолет?

Но Фолет молчал. Он знал, что Ульяна винит именно его в том, что ее муж и сын прониклись духом кладоискательства и уже несколько недель подряд пытаются найти сокровища, закопанные в стародавние времена в окрестностях замка. И, вопреки своему обыкновению, Фолет признавал, что изрядная доля истины в этом есть.

Все началось с того, что минувшей зимой Фолет в минуту хорошего настроения, сидя вечером у пылающего камина в зале с рыцарскими доспехами и оружием, рассказал Ксиу и Артуру о старинных книгах, которые хранились в одном из подвальных помещений замка, сваленные в одну кучу.

По словам Фолета, прежний владелец замка тамплиеров не любил тратить время на чтение. Книги попадали в замок редко и случайно, в основном только благодаря своим инкрустированным золотом, серебром и драгоценными камнями переплетам, когда оказывались в

захваченной рыцарями добыче, а выбросить их было жалко, потому что переплеты стоили целое состояние. Содержимое книг никого не интересовало. Сам Фолет, по его собственному признанию, также не был большим грамотеем. А потому на все расспросы Ксиу и Артура, которые накинута на него, словно голодные ястребы на мирную дробу, попросту привел их в подвал и предложил самим утолить собственное любопытство, разобрав книжный завал. Те так и сделали.

Ульяна хорошо помнила тот вечер, когда, устав ждать возвращения своих мужчин, сама спустилась к ним в подвальное помещение, которое с тех пор в замке начали называть библиотекой. С собой она взяла мощный фонарь, и его широкий луч осветил картину, вспоминая которую, она всегда смеялась. Ксиу и Артур, почти погребенные под грудой запыленных толстенных фолиантов, осторожно перелистывали страницы какой-то книги в золотом переплете, и глаза у них при этом от восторга блестели ярче пламени свечи, которую они взяли с собой. Они напоминали двух подземных обитателей – гномов, которые, прокладывая дорогу под землей, наткнулись на золотую жилу.

– И что бы это значило? – спросила Ульяна, стараясь казаться суровой. – Не отвечайте, я сама догадаюсь. Вы предпочли мое скучное общество захватывающему дух чтению приключенческих романов. Угадала?

– Ты знаешь, что это такое? – почти с упреком посмотрел на нее муж, показывая на книгу.

– Откуда? – удивилась Ульяна. – Я, может быть, и ведьма, какой меня некоторые считают, но не ясновидящая.

– Это Евангелие Гаримы, мама, – восторженно произнес Ксиу. – Оно написано на геэз – священном языке Абиссинии в период с 330 по 650 год нашей эры. Как говорит Артур, до сих пор считалось, что подобных книг всего две в мире, и обе хранятся в монастыре святого Гаримы в Эфиопии. А это третья, никому не известная.

– Кроме Артура, по всей видимости, – язвительно заметила Ульяна. Она все еще не могла простить мужу упрека, который заметила в его глазах.

– Переплет одной из рукописей, которые хранятся в монастыре святого Гаримы, сделан из деревянных дощечек, покрытых золоченой медью. Переплет второй – из серебра, – сказал Артур, даже не заметив стрелы, пущенной в него женой. – А у этой книги – золотой. Если предположить, что переплет определяет важность содержания, то найденная нами рукопись самая ценная из трех.

– Вот бы прочитать ее! – воскликнул Ксиу. – Тогда бы мы точно знали.

– И кто из вас умеет читать на священном языке геэз? – с самым невинным видом спросила Ульяна. – Я бы с удовольствием послушала.

Но закончилось все тем, что Ульяна присоединилась к раскопкам, как она сама назвала это занятие, и несколько дней подряд они втроем разбирали книги, пытаясь понять их содержание в основном по рисункам.

Многие их находки оказались поистине бесценными, как объяснил потом Артур. Так, они отыскали датированную четвертым веком самую древнюю из книг, изготовленных в привычном для современного человека виде, называемую Синайским кодексом. В ней насчитывалось 347 хрупких и ломких пожелтевших от времени страниц, и до сих пор ее можно было увидеть только в Национальной российской библиотеке, Британском музее, университете города Лейпцига и в монастыре Святой Елены на Синайском полуострове. Была здесь и Алмазная сутра, представляющая собой почти пятиметровый свиток, напечатанный в 868 году методом ксилографии – оттиска гравюр. Свиток содержал текст с основами буддизма, и обладанием еще одного экземпляра могла похвалиться только Британская библиотека.

Алмазную сутру нашла Ульяна. А Ксиу с торжествующим видом показал им Остромирово Евангелие, написанное в одиннадцатом веке для новгородского посадника Остромира дьяконом Григорием и считавшееся древнейшей книгой на Руси. Артур же был горд тем, что

извлек из завала рукопись под названием «Гальдрбук», состоящую из сорока семи заклинаний, составленных ирландскими магами в XVI веке на основе древних рун. Используя словарь, позднее он сумел прочитать некоторые из этих заклинаний, после чего начал утверждать, что теперь знает, как лечить, например, головные боли и бессонницу, а также как вселить страх во врагов или вызвать у кого-то сильный приступ метеоризма.

Однако Ульяне со временем надоело это занятие, и она оставила мужа и сына одних разбираться в содержании найденных книжных сокровищ. И вскоре пожалела об этом. Потому что в один из дней Ксиу и Артур наткнулись на фолиант с витиеватой надписью на обложке, которая читалась как «*Detur digniori*». Рукопись была не такой уж и древней, в сравнении с другими, и обложку не украшали алмазы, однако ее ценность была в другом. В ней говорилось о кладах, владельцы которых за давностью лет потеряли на них право. И теперь эти клады могли достаться любому, кто их найдет.

В фолианте было много глав. В одной из них рассказывалось о временах завоевания Испании Древним Римом и о несметных сокровищах, которые награбили римляне в покоренной ими стране. Автор рукописи утверждал, что римские военачальники, не всегда имея возможность воспользоваться своей добычей немедленно, зачастую закапывали ее для лучшей сохранности в землю, в надежде однажды возвратиться и забрать свой клад.

– Ты понимаешь, мама, – блестя глазами, говорил Ксиу, – кого-то из военачальников срочно вызывали в Рим и там казнили за измену или злоупотребление властью, кто-то внезапно умирал сам, или происходило еще что-то не менее ужасное – и сокровища так и оставались в земле, всеми забытые, в ожидании, пока их найдут и откоплют.

– Древний автор назвал свой труд «*Detur digniori*», – вторил ему Артур. – В переводе с латинского языка это означает «Да будет дано достойнейшему».

– И это, разумеется, будете вы, – пошутила Ульяна, сама не понимая, какую бурю вызывает к жизни своим неосторожным высказыванием.

Потому что Ксиу и Артур восприняли ее слова всерьез и решили заняться поисками клада, зарытого древними римлянами вблизи замка тамплиеров. В доказательство своей правоты они показали Ульяне карту Испании, нарисованную от руки на одной из потемневших от времени страниц книги. Во многих местах карта была помечена крестиками. Стоял крестик и на холме, на котором спустя тысячелетие был построен замок. В прежние времена здесь рос дикий лес, и на одной из его опушек, если верить карте, были спрятаны сокровища.

– Не исключено, что этот клад принадлежал когда-то самому Гаю Юлию Цезарю, – утверждал Ксиу. – Был такой древнеримский император, мама, если ты не знаешь.

– И ты, Брут, – возмутилась Ульяна. – Не такая уж я дремучая невежда, какой кажусь на первый взгляд. Но каким ветром Цезаря занесло в Испанию? Я-то думала, что он дальше Капитолия никуда не выезжал.

– И ошибалась, – торжествующе заявил Ксиу, приняв ее слова за чистую монету. – Артур, расскажи ей!

Ульяна перевела взгляд на мужа и увидела такое же по-мальчишески восторженное выражение лица, как и у Ксиу. Между ними словно не было разницы в возрасте. И оба страстно желали увлечь и ее своей бредовой идеей.

– До того, как стать императором Рима, Цезарь исполнял обязанности квестора в римской провинции, какой была в те времена Испания, – сказал Артур, принимая эстафету. – Эта должность была связана с финансами. Разумно было бы предположить, что такой дальновидный и предприимчивый человек, как Цезарь, не упустил случая вознаградить себя за лишения, которые он терпел вдали от Рима в глухой провинции.

– То есть запускать руку в казну? – уточнила Ульяна.

Артур ничего не ответил, с укоризной взглянув на жену. Ее вопрос не имел никакого отношения к теме их разговора. А он не любил, когда она отвлекалась, слушая его.

– Кроме того, Цезарь часто ездил по Испании, сопровождая наместника или выполняя его поручения, – продолжал Артур. – И это давало ему возможность прятать свои сокровища от всевидящего ока Рима, зарывая их в землю в безлюдных местах. Он понимал, что если золото и драгоценности найдут у него, то его жизнь не будет стоить и ломаного гроша. У него и без того были, мягко говоря, сложные отношения с римским диктатором Луцием Корнелием Суллой, который не мог простить ему родственных связей со своими личными врагами.

– Да ведь ты и сама знаешь, мама, что во времена Древнего Рима в здешних местах добывали золото, – снова вмешался в разговор Ксиу. – Не Цезарь, так кто-нибудь другой, из местных жителей, мог зарыть клад в землю, чтобы золото не досталось римлянам.

– И вы рассчитываете найти этот клад? – вздохнув, спросила Ульяна.

Ксиу и Артур дружно закивали головами.

– Вам что, денег на жизнь не хватает? – на всякий случай поинтересовалась она.

– Но ведь это же клад, мама! – почти закричал Ксиу, устав от непонимания. – Пойми же ты!

Однако Ульяна не понимала, какой смысл перелопачивать груды земли, надрываться и зарабатывать кровавые мозоли, чтобы искать то, что не сделает твою жизнь лучше. Но это была чисто женская логика. С мужской точки зрения, игра стоила свеч. И, едва дождавшись теплых дней, Ксиу и Артур принялись за раскопки. В своих поисках они руководствовались картой, нарисованной от руки, в которой все было более чем приблизительно, а если учесть, что за минувшие две тысячи лет ландшафт местности сильно изменился, то и вовсе почти абстрактно.

Но это их не смущало и не останавливало. Каждое утро они, взяв специально купленные для этой цели лопаты, уходили из замка, ориентируясь по карте и компасу, но больше полагаясь на свою интуицию и предчувствие.

Сначала Ульяна протестовала, потом смирилась. И только изредка ехидно спрашивала, сколько кубометров земли они перекопали на этот раз и не пора ли им увлечься рыбалкой, поскольку в найденных червяках недостатка не было, а в реке водилось много усачей, линей и форелей.

– Рыба в руках лучше, чем сокровища в небе, – утверждала она, перефразируя народную мудрость о синице и журавле.

Но Ксиу и Артур не соглашались с этой житейской истиной. Была затронута их мужская гордость, и они, отмалчиваясь, упрямо продолжали делать свое дело. Только иногда Ксиу, не выдерживая, терпеливо пытался объяснить матери причину их упорства.

– Пойми же, мама, ведь мы живем в замке тамплиеров, – говорил он, сверкая от возбуждения глазенками. – А Орден тамплиеров был не только самым таинственным из всех когда-либо существовавших рыцарских орденов, но и самым богатым. Рыцари беспощадно убивали всех, кого католическая церковь считала своими врагами – мусульман, еретиков. А все их имущество забирали на нужды Ордена.

– Проще говоря, грабили, кого только могли, под благовидным предлогом, – уточняла Ульяна. – За что, вероятно, и поплатились в 1307 году, когда Папа Климент Пятый издал буллу «*Pastoralis praeeminentiae*», в которой приказывал всем христианским монархам произвести аресты тамплиеров и конфискацию их земель и имущества.

– Откуда ты это знаешь, мама? – изумился Ксиу.

Ульяна промолчала. У нее были свои счета с рыцарями-тамплиерами. Возможно, сойдя с ума, Анжело Месси считал себя магистром этого ордена. И однажды рассказал ей о событиях, связанных с закатом некогда всемогущего Ордена тамплиеров. Она думала, что забыла об этом, как о многом другом, имеющем отношение к ее бывшему любовнику, но когда Ксиу начал рассказывать, вспомнила. И тут же пожалела, что проговорила. Она не хотела посвящать сына в свою прошлую жизнь, а тем более в обстоятельства, связанные с его рождением.

Не дождавшись ответа и не придавая ему большого значения, Ксиу продолжил свой рассказ.

– Это и есть одна из тайн Ордена тамплиеров. Несмотря на то, что рыцари сражались за церковь, их называли отступниками от веры, подозревали в колдовстве и алхимии. Дело дошло до того, что многие из них как раз в том самом 1307 году были арестованы и преданы суду инквизиции. Их обвиняли в тягчайшей ереси – в отречении от Иисуса Христа, плевании в распятие, поклонении на своих тайных собраниях идолам. И это только малая часть обвинительного списка. Не удивительно, что ко многим применялись тяжелейшие пытки, а несколько сот тамплиеров были замучены до смерти.

– Так им и надо, – кровожадно заметила Ульяна, имея в виду только одного из рыцарей-тамплиеров, Гуго де Пейна – это имя присвоил себе Анжело Мессе.

Ксиу с удивлением посмотрел на нее, но не стал прерывать своего повествования.

– Когда Орден тамплиеров по решению суда инквизиции запретили, а многих его рыцарей казнили или бросили в тюрьмы, последний великий магистр Ордена Жак де Моле перед своей смертью проклял короля Франции Филиппа Четвертого и Папу Климента Пятого. Они были главными виновниками в гонениях на тамплиеров. Не прошло и года, как оба – и французский король, и папа Римский, – умерли при очень странных обстоятельствах. Если исключить кару божью, что было бы удивительно, то приходится признать, что Орден тамплиеров даже после своего разгрома продолжал существовать, но тайно. И избежавшие суда, казни и заточения рыцари сумели отомстить своим обидчикам. А что из этого следует?

– И что же из этого следует? – спрашивала Ульяна, невольно заражаясь энтузиазмом сына.

– То, что в нашем замке просто не могло не быть спрятано каких-либо сокровищ, – делал Ксиу довольно неожиданный, на взгляд матери, вывод. – Иначе как Орден тамплиеров мог бы вести свою тайную деятельность? Деньги, деньги и еще раз деньги – вот основа любого подпольного движения. Если не веришь мне, то спроси у Артура. Он мне об этом рассказывал.

Ульяну эти доводы не убеждали. Однако со временем в замке у Артура и Ксиу нашлись последователи. И если бы Ульяна решительно не воспротивилась, экспедиция кладоискателей пополнилась бы новыми участниками – поваром и конюхом. Только Фолет старался держаться в стороне, чтобы ненароком не подхватить зловерный вирус золотой лихорадки. Он и без того чувствовал себя виноватым перед Ульяной. И проклинал тот день и час, когда отвел Ксиу и Артура в подвал замка, где хранились книги.

– Лучше бы я их сжег, эти рукописи, – каялся он, рассказывая обо всем своей обожаемой Маре. И та, вопреки обыкновению, соглашалась с ним.

Ульяна была не так категорична. Она не возненавидела книги, как это сделал Фолет. Но, ведомая своей женской логикой, она еще больше невзлюбила Цезаря. До этого римский император был неприятен ей только тем, что некогда ввел в римское право закон, предписывающий, чтобы женщин, которые были уже мертвы или умирали во время родов, подвергали кесаревому сечению для спасения ребенка. Она считала, что эта операция, которая убивала женщин, потому что в те времена не существовало никаких лекарств, препятствующих заражению крови, была попросту бесчеловечной, как и сам закон. А, следовательно, делала вывод Ульяна, ничего хорошего от такого человека ждать не приходится, включая его мифические клады.

Но когда она высказала свое мнение, Ксиу, услышав только то, что хотел услышать, невинно спросил:

– Мама, а что такое кесарево сечение?

Этот вопрос поставил Ульяну в тупик. И, чувствуя на себе насмешливый взгляд Артура, она с позором покинула поле боя, не пытаясь больше отстаивать свою точку зрения.

Фолет знал обо всем этом. И по утрам старался не попадаться на глаза Ульяне до тех пор, пока Ксиу и Артур не возвращались в замок.

Но на этот раз ему не повезло. Ульяна встала раньше обычного часа. И ее зеленые глаза, которые она не сводила с него в ожидании ответа, не предвещали ничего доброго.

Маленький старичок горестно вздохнул. И уже открыл было рот, чтобы придумать какую-нибудь небылицу в свое оправдание, как вдруг в отдалении раздались веселые голоса, мальчишеский и мужской, потом по каменным плитам гулко прозвучали шаги и, миновав арку, во внутренний двор вошли Ксиу и Артур. Они несли на плечах лопаты со свежей, еще не высохшей землей, о чем-то громко разговаривали и смеялись, и вид у обоих был довольный и счастливый. Они явно не ожидали встретить Ульяну.

Увидев их, Ульяна с трудом скрыла радостную улыбку. Артур и Ксиу были внешне схожи между собой, словно родные отец и сын. Оба черноволосые, смуглые, жизнерадостные и уверенные в себе. Только глаза Артура широко распахнуты, словно они вбирают в себя окружающий мир целиком и без остатка. А глазенки Ксиу слегка прищурены, как будто мальчик вдумчиво смотрит на мир, размышляя над тем, что увидел. Артуру исполнилось тридцать лет, Ксиу – восемь. Но они считали себя закадычными друзьями, и так оно и было на самом деле.

Ульяна это знала. Как и то, что три года тому назад, встретив Артура, она сделала правильный выбор, выйдя за него замуж. И дело было не в том, что он очень обаятелен, а в его глазах светится недожизненный ум – качество, которое она ценила в мужчинах превыше других. Ей очень повезло в жизни, когда она уже даже и не надеялась ни на что, храня в душе постепенно угасающую память об отце Ксиу. После долгих поисков и ошибок, увлечений, очарований и разочарований она встретила наконец мужчину, который сделал ее счастливой. И сумел стать настоящим отцом ее ребенку, заменив умершего. О большем она не могла бы и мечтать. Единственное, что ей хотелось бы – это родить ребенка от Артура. А еще лучше двух или трех. Мальчиков и девочек. И тогда ей можно будет сказать, что жизнь удалась.

Подумав об этом, Ульяна незаметно огляделась в поисках дерева, по которому можно было бы постучать костяшками пальцев. Она была суеверна. Артур, как истинный ученый, верящий только в факты, всегда подсмеивался над ней из-за этого. А она отвечала, что незачем искушать судьбу. И упрямо продолжала верить в народные приметы.

– Но если так, то учти, что ты рыжая, – заявлял Артур, пытаясь сохранить серьезный вид. – А еще у тебя глаза зеленые. Это, можно сказать, пожизненный приговор. Ты, моя милая, по всем приметам вылитая ведьма. В средние века в Европе по приговору суда святой инквизиции тебя просто сожгли бы на костре. Не заморачиваясь доказательствами твоей вины. Как быть с этим?

– Смириться, – отвечала Ульяна, целуя его. И на этом их спор обычно заканчивался. Но каждый оставался при своем мнении и сохранял свои привычки.

– Привет, мама! – закричал Ксиу, увидев ее.

Ульяна помахала ему в ответ. Фолет с облегчением вздохнул, но на всякий случай благо-разумно скрылся в замке под предлогом подготовки к вечеру. На это утро с него было достаточно переживаний. Следом за ним ушел и Гомес, заявив, что ему надо проследить за приготовлением завтрака. Можно было не сомневаться, что вскоре дворецкий и повар, встретившись в укромном уголке на кухне, пропустят по стаканчику в знак примирения, а затем по второму – в качестве утешительного приза. И жизнь в замке войдет в свою привычную колею.

Но Артуру и Ксиу оставалось только надеяться, что это утро не преподнесет им еще одного сюрприза. Первым было раннее пробуждение Ульяны. Оба немедленно приняли виноватый вид. И, не дожидаясь вопросов, заговорили о том, что вернее всего могло привести Ульяну в хорошее расположение духа.

– Мама, ты бы знала, как я проголодался, – заявил Ксиу, после того, как Артур подтолкнул его локтем и многозначительно подмигнул. – Кажется, слона бы съел, даже не разрезая на кусочки.

– И я тоже, – сказал Артур, вступая в игру. – Что у нас на завтрак, дорогая?

Оба смотрели на нее с таким жалостливым выражением на чумазых лицах, что Ульяна невольно смягчилась.

– Мойте руки и физиономии – и за стол, – сказала она. – Разносолов не обещаю, но торихас будет. И даже с медом, хотя вы этого и не заслуживаете.

Торихас, как в Испании называли смоченные в молоке и яйце кусочки хлеба, обжаренные в масле, были любимым блюдом Ксиу и Артура. Поняв, что они прощены, мужчины, взрослый и юный, кинулись к Ульяне и успели поцеловать ее несколько раз, прежде чем она, проявив характер, не прогнала их прочь. А сама пошла в столовую, находившуюся в одной из башен замка, где они обычно завтракали всей семьей. Кормить Ксиу и Артура по утрам было ее привилегией, которую она ни за какие сокровища в мире не доверила бы никому другому. Даже Фолету, если бы тот, оторвавшись от стаканчика и приятной беседы с поваром, вдруг возымел такое желание.

Глава 5.

К обеду Гомес, занятый приготовлением закусок к вечернему празднику, предложил обитателям замка только гаспачо, холодный томатный суп с добавлением перца и чеснока, и крепкий кофе с молоком. Но никто не жаловался на более чем скромную трапезу, кроме Фолета, который привык пить в полдень горячий шоколад. Все знали, что вечером будет настоящий пир, и они наедятся досыта. А пока каждый думал над тем, что ему одеть. Даже обычно равнодушный к одежде Фолет ушел в каморку, которая ему была отведена в замке, чтобы сменить куртку и штаны. Он помнил, что на танцы придет его Мара, и не хотел, чтобы она его стыдилась.

Ульяна, собиравшаяся танцевать фламенко, одела белое, в крупных оборках, платье с разбросанными по нему крупными красными цветами и короткими, до локтей, широкими рукавами. Подол платья доходил до голеней, оставляя на виду только черные туфли с подкованными каблуками. На плечи она накинула красную шаль с длинной бахромой. Подобрала свои густые рыжие волосы и воткнула в них строго под углом в девяносто градусов, поскольку даже легкий наклон в ту или иную сторону считался у испанских танцовщиц фламенко вульгарностью, массивный черепаховый гребень-пейнета прямоугольной формы с пятью зубцами. Так как гребни белого и кремового цветов допускались только для девушек, а замужним женщинам разрешалось выбирать лишь между черным и коричневым, она предпочла черный гребень. Подумала, не накинуть ли ей мантилью, представляющую собой кружевную шелковую длинную вуаль, одеваемую испанками поверх гребня и свободными волнами спадающую на плечи и спину. Даже примерила ее. Но сочла свой вид слишком мрачным и отказалась от мантильи. Взяла в руки красный веер. Посмотрела на себя в большое зеркало, висевшее на стене ее гардеробной комнаты, и осталась довольной. Из зеркала на нее смотрела если не чистокровная испанка, то настоящая танцовщица фламенко. А большего Ульяне и не требовалось.

Она прошла в комнату, где одевались к празднику Ксиу и Артур. Они о чем-то спорили, когда вошла Ульяна.

Она взглянула на мужчин, маленького и большого, глазами любящей женщины. И не нашла в них ни единого изъяна. На обоих были надеты укороченные пиджаки, больше напоминающие курточки, короткие жилеты яркой расцветки и обтягивающие черные штаны длиной до колен, обильно декорированные бисером. Ниже колен шли белые чулки. Пояса обтягивали широкие цветные кушаки. Ксиу и Артур были одеты почти одинаково, отличались только их плащи. И тот и другой были черного цвета, но Ксиу выбрал короткий, как у тореадора, а Артур – длинный, с ярким красным подкладом, спадающий с плеч до низко вырезанных башмаков с металлическими пряжками.

Увидев Ульяну, они сразу перестали спорить. Но было уже поздно. Ульяна не любила, когда сын и муж пытались что-то от нее скрыть. Ничего не говоря, она долго не отводила от них испытующего пристального взгляда. Первым не выдержал Ксиу.

– И незачем так на нас смотреть, мама, – заявил он. – Мы ни в чем не виноваты.

– Подумаешь, не сошлись во взглядах на национальный испанский костюм, – поддержал его Артур. – Вернее, на один из его аксессуаров.

– И какой именно? – мягко спросила Ульяна, закрыв и снова открыв веер. – Боюсь даже предположить.

– Я читал, что настоящий испанец или даже испанка, идя на праздник и одевая нарядный костюм, никогда не выйдет из дома без навахи, – сказал Ксиу. – Наваха, мама, это такой большой складной нож.

– Я знаю, что такое наваха, – сказала Ульяна, продолжая играть веером, чтобы скрыть свое лицо. Она опасалась рассмеяться.

– Но, возможно, ты не знаешь, мама, что наваха простые испанцы брали с собой не из хулиганских побуждений, а в знак протеста против запрета властей носить холодное оружие, – пояснил Ксиу. Он был очень начитанный и умный мальчик, развитый не по годам. И иногда умудрялся ставить Ульяну в тупик. – А, значит, наваха – это не просто нож, а своеобразный символ национального испанского духа. То же самое, что фламенко. Ведь ты же сама говорила, что в основе этого древнего испанского искусства лежит протест против несправедливости жизни.

– Я такое говорила? – с удивлением спросила Ульяна.

Ксиу и Артур дружно закивали головами.

– Ладно, – согласилась Ульяна. – Пусть будет по-вашему. Протест так протест. Хотя никогда не думала, что танцуя фламенко, я протестую против чего-то. Мне казалось, я просто получаю удовольствие.

– Я сейчас не об этом, мама, – сказал Ксиу, поняв, что зашел слишком далеко.

– А о чем? – с невинным видом спросила Ульяна. – Ты так долго говоришь, что я уже забыла, с чего ты начал. Как те жители Лаконии, которые выслушивали ультиматум военачальника, осадившего их город и предлагавшего им сдаться. Будь краток, сын мой.

– Я о том, что Артур... Ну, в общем, он говорит, что я не должен брать с собой наваху сегодня на танцы, – возмущенно произнес Ксиу. – А я говорю...

Ульяна все-таки не выдержала и рассмеялась. Ксиу и Артур с удивлением смотрели на нее. Они не видели в своем споре ничего смешного.

– Значит, так, мои дорогие, – перестав смеяться, сказала Ульяна. – Слушайте меня внимательно. И не перебивайте, иначе я рассержусь по-настоящему, – пригрозила она Ксиу, который хотел что-то сказать. – Лопаты, навахи и прочие инструменты брать на танцы я запрещаю. Если хотите, можете носить за мной мой веер. По очереди. Думаю, это охладит ваш воинственный пыл.

– А при чем здесь я? – удивился Артур. – Я как раз был против.

– Галантность еще никто не отменял, – отрезала Ульяна. – Даже для кладоискателей.

Ксиу и Артур переглянулись и предпочли не спорить. Они с самого утра ожидали, когда Ульяна припомнит им приступ золотой лихорадки, который выманил их из замка ни свет ни заря. И теперь с облегчением вздохнули. Гроза прошла стороной. Они услышали только легкие ее отголоски.

– Ты прекрасно выглядишь, дорогая, – польстил ей Артур, меняя тему. – Настоящая маха с картин Гойи!

– Ты находишь? – улыбнулась Ульяна. – Думаешь, я произведу впечатление на Мару?

– Не знаю, как на Мару, но на меня ты уже произвела впечатление, – заверил ее Артур.

– Ну, это легко, – вздохнула Ульяна. – Для этого мне даже не надо было наряжаться битых два часа. Из «Махи одетой» и «Махи обнаженной», написанных Гойей, тебе всегда больше нравилась вторая.

– Но ты мне нравишься гораздо больше любой из этих мах, – заверил ее Артур.

Но их поцелую помешал Ксиу, который все это время внимательно прислушивался к разговору. Он, с легкой руки Артура, хорошо разбирался в испанской живописи, и многое знал о художнике Франсиско Гойя.

– В 1813 году святая инквизиция конфисковала обе эти картины, – сообщил он им историческую справку. – При этом она объявила Гойю «распущенным мазилой» и потребовала у художника раскрыть тайну – кто ему позировал. И, кстати, в романе Лиона Фейхтвангера «Гойя, или Тяжкий путь познания» говорится...

– А там не говорится о том, что одному маленькому мальчику не стоит вмешиваться, когда говорят взрослые? – возмутилась, разочарованная тем, что лишилась поцелуя, Ульяна.

– Если бы вы говорили, – возразил Ксиу. – Так ведь вы целуетесь. И не надоело вам?

Ульяна не нашла, что ответить. На помощь ей пришел Артур. Он подмигнул Ксиу и сказал:

– Чур, я несу веер первый!

Ксиу горестно вздохнул. Весь его вид говорил о том, что он не понимает, как взрослые могут быть такими детьми.

Ульяна понимала, но не собиралась ничего ему объяснять. Вместо этого она, передавая веер Артуру, сказала:

– За мной, мои верные рыцари! Скоро начнут собираться гости. И мы должны их встретить.

Когда они спустились по лестнице замка, Артур, улыбаясь, прошептал ей на ухо:

– Может быть, Ксиу прав, и нам стоит поменьше целоваться?

– Вот уж не думала, что ты такой трусишка, – улыбнулась в ответ Ульяна. И насмешливо произнесла по-испански: – No dejes que te rapen, мой милый!

– No dejes que te rapen, – повторил Артур, чтобы лучше запомнить. Иностранные языки ему, в отличие от Ульяны, в совершенстве владевшей английским и испанским, давались с трудом. – Надо будет спросить у Фолета, что это значит.

Фраза, которую сказала Ульяна, в переводе с испанского означала «не дай себя остановить». Представив, как ее муж расспрашивает Фолета, она весело рассмеялась, вызвав недоумение Артура.

И только Ксиу шел с непроницаемым выражением лица, скрывая свои истинные мысли. Его смущал пышный костюм тореадора, в который он был вынужден наряжаться каждый раз, когда в замке устраивали танцы, чтобы порадовать маму. И если бы не наваха, которая прилагалась к этому костюму и которую он, несмотря на запрет, неизменно брал с собой, пряча в складках одежды, Ксиу давно бы уже нашел предлог, чтобы оставаться в своей комнате, где посвятил бы эти напрасно потраченные, по его мнению, часы изучению помеченной крестиками карты Испании. Как истинный мальчишка, древнему искусству фламенко он предпочитал древние клады.

Во дворе замка все уже было готово к приему гостей. Вдоль крепостных стен были расставлены длинные дощатые столы, на которых стояли блюда и бутылки с вином. Каждый, кто проголодался или кого мучила жажда, имел возможность подойти к столу и налить себе в бокал вина или положить в тарелку еды, сколько и что хотел. Тот, кто устал, мог отдохнуть на одной из многочисленных скамей, пока задвинутых под столы. Для особо почетных или пожилых гостей были приготовлены удобные массивные дубовые стулья с высокими спинками. В середине двора, вымощенного каменными плитами, было оставлено место для танцоров, певцов и музыкантов.

Гости начали съезжаться и сходитья сразу после шести часов пополудни, когда в здешних местах заканчивалась сиеста. Жара спала, послеобеденный сон освежил и придал всем сил.

В автомобилях приезжали в основном горожане из Лиона. Замок окружали селения с поэтическими названиями Вальверде, Пампанейра, Альбаррасин, Лукайнена, Мадеруэло и много других. Их жители предпочитали пешие прогулки. Они не считали за труд пройти час или даже два, чтобы в конце пути полюбоваться на величественный и мрачный, в истинно испанском духе, замок тамплиеров.

Построенная на вершине холма крепость была опоясана замшелой каменной стеной, прорезанной множеством узких бойниц. Но давно миновали те времена, когда замок внушал жителям окрестных селений ужас. Теперь они шли сюда приятно провести время. А воспоминания о давнем страхе только подогревали их кровь, и без того волнующуюся в ожидании танцев и песен.

Мало кто шел в замок тамплиеров в обыденной одежде. Даже самые бедные из селян одевали в этот субботний вечер костюмы, доставшиеся им в наследство от предков и бережно хра-

нившиеся в сундуках как драгоценные реликвии давно минувших времен. Могло показаться, что это сошедшие с картин Гойи махи и махо, щеголи-простолюдины, сходятся в замок тамплиеров, поворачивая время вспять.

Но это была уже не та Испания. Другое время, другие люди. А потому цветовая гамма костюмов не ограничивалась черным, серым, коричневым и белым цветами, а щедро дополнялась красным, зеленым и голубым. Женщины предпочитали юбки свободного кроя и приталенные пиджаки с широкими лацканами, покрывая плечи шалью. Мужчины все как один носили короткие жилеты, обтягивающие бедра и ноги штаны до колен и чулки, повязывали на пояс широкий кушак, а на голову надевали черную треугольную шляпу, пряча волосы под сеткой для волос. И женщины и мужчины щедро украшали свою одежду вышивкой, жемчугом, серебряными застежками, золотыми пряжками и прочими аксессуарами, которые могли бы превратить их костюм в блеклый фон, если бы не яркие цвета ткани, из которой те были пошиты.

Автомобили оставляли у подъемного моста. Гости приходили в замок поодиночке, парами или сразу большими группами. Ульяна и Артур, как радушные хозяева, встречали их, пожимали руки, говорили слова приветствия.

В одну из таких минут Фолет подвел к ним женщину, наряженную во все черное. Длинное платье, шаль на плечах, высокая, словно корона, шелковая мантилья на голове и даже чапинес на массивной деревянной подошве, в которые она была обута, были одного цвета. Волосы, упрятанные под вуаль, увидеть было нельзя, однако Ульяна не сомневалась, что они также черные. Но этот цвет почему-то не старил женщину и, во всяком случае, не портил ее редкостной красоты. Определить истинный возраст спутницы Фолета было невозможно. Иногда, когда тень падала на ее лицо, она казалась Ульяне даже юной, такой стройной была ее фигура.

– Моя Мара, – скромно произнес Фолет, раздуваясь от гордости. – Прошу любить и жаловать.

Ульяна невольно мысленно ахнула. Рядом с этой красавицей маленький хромым старичок выглядел настоящим уродом, не говоря уже о том, что он был ниже ее на целую голову. Но по тому, каким нежным взглядом посмотрела Мара на своего мужа, Ульяна поняла, что это им нисколько не мешало любить друг друга.

– Много о вас наслышана, – сказала Ульяна, справившись со своими эмоциями. – И счастлива видеть!

Но, вероятно, ее выдали глаза. Потому что женщина неожиданно подмигнула ей, словно прочитав ее мысли, и сказала приятным, чуть хрипловатым голосом:

– Не обращайте внимания на мой наряд. Я собиралась танцевать сегодня хоту, а потому так оделась. Возможно, вам это покажется странным, но в нашем селенье, в Пампанейра, хоту традиционно танцуют на похоронах, во время траурной процессии. Но от этого танец не становится хуже. Я даже взяла кастаньеты, чтобы доказать вам это. Однако меня подвел мой дорогой муженек.

– Но я же не виноват, что подвернул ногу, спускаясь по лестнице, – жалобно вздохнул Фолет, в свою очередь хитро подмигивая Ульяне, словно призывая ее стать соучастницей его лжи. – Ты бы знала, Мара, как я жалею об этом! Хотя – мой любимый танец.

– Да, он прекрасно танцует, – подтвердила Мара, одарив мужа ласковым взглядом. – Но что делать? Видно, не в этот раз. Хоту танцуют только в паре. И если мой муж не может, то и я тоже. Не могу же я танцевать хоту с другим, давая ему повод для ревности. Знаете, он у меня очень ревнив. Иногда я даже боюсь вспышек его гнева.

Ульяна слушала, не веря своим ушам. Из рассказов Фолета она представляла себе совершенно другую картину его совместной жизни с Марой.

– А он говорил, что вы... – не сдержавшись, начала Ульяна, но вовремя прикусила язык, с которого едва не сорвалось слово «ведьма».

Мара улыбнулась, видимо, поняв то, что она не договорила.

– Ну, что вы, – почти проворковала она. – Песантой была моя матушка, мир ее праху. Но старушка представилась почти сто лет тому назад. Вот если бы вы встретили ее... Признаю, мой дорогой муженек много натерпелся от нее. Но это уже в прошлом. Ведь так, Фолет?

Старичок с готовностью закивал головой.

– Но что это я все о себе, – спохватилась Мара. – Чем сегодня порадуете вы нас? Мой муж мне тоже много о вас рассказывал. И особенно восхищался тем, как вы танцуете фламенко. Только ради этого я и пришла сегодня, скажу откровенно. Чтобы посмотреть на вас.

– И вы не напрасно потратили свое время, – сказал Артур, который все это время молча слушал их разговор. – Я сам каждый раз восхищаюсь Ульяной.

Мара с улыбкой взглянула на него. Заметив этот взгляд, Фолет нахмурился, подтверждая, что слова Мары о его ревности не так уж далеки от истины. И поспешил заявить:

– Мара, мы злоупотребляем вниманием нашей хозяйки. Столько гостей, а она одна. Не хочешь ли выпить со мной стаканчик красного вина?

– Охотно, – согласилась Мара. – Если твоей ноге от этого станет лучше.

И она отошла с Фолетом к столу, на прощание приветливо кивнув Ульяне.

Когда они были уже далеко и не могли их услышать, Артур, задумчиво глядя им вслед, спросил Ульяну:

– Послушай, а сколько ей лет? Ты что-нибудь поняла? Если ее матушка, по ее словам, умерла сто лет тому назад... Наверное, она оговорилась.

– А на сколько она выглядит, по-твоему? – спросила Ульяна, сама сильно заинтересованная.

– Иногда мне казалось, что ей можно дать не больше двадцати пяти, – ответил Артур. – А иногда – что ей лет сто по меньшей мере.

– Вот и мне тоже, – призналась Ульяна. – Что я могу тебе сказать, мой милый? Настоящая женщина не имеет возраста. Ей всегда столько, на сколько ее оценивает мужчина.

– В таком случае, ты у меня будешь вечно юной, – заявил Артур.

Но развить тему ему не дали новые гости, которые уже подходили к ним. Однако Ульяна успела подарить мужу благодарную улыбку. И получить в ответ взгляд, полный любви и обожания.

Глава 6.

Солнце уже склонилось к зубчатым башням замка, когда прибыли последние гости и началось настоящее веселье.

Все уже выпили достаточно вина, чтобы суметь преодолеть стеснение, вынуждающего быть церемонным и скованным. То тут, то там звучали переборы гитары, раздавались хлопки и гортанные выкрики, и какая-нибудь из местных красавиц выходила в середину образовавшегося круга и начинала танцевать. Иногда в круг становился мужчина. Чаще всего это был танец качуча, который можно исполнять в одиночку, причем как женщинам, так и мужчинам. Ульяне он был знаком по балету «Хромой бес», который она как-то посмотрела в Париже в театре «Опера де Пари».

В тот вечер исполнявшая качучу прима-балерина выходила на сцену в баскском национальном костюме из розового атласа, с черными кружевными воланами и облегающей бедра и расширяющейся книзу юбке. На ее корсаже сверкала алмазная пряжка, а черные подобранные волосы украшали большой гребень и алая роза. В руках она держала кастаньеты, страстным звучанием которых сопровождала каждый свой шаг на сцене. Порой, подняв руки и склонив голову, она прогибалась назад так, что ее плечи почти касались сцены.

Это было очаровательное зрелище, которое не оставило Ульяну равнодушной. Но в сравнении с тем, что она видела сейчас, оно казалось жалкой подделкой, имитацией истинной страсти и настоящего народного испанского танца. Достаточно было услышать стук кастаньет, увидеть трепетание пальцев, услышать гортанный вскрик или хлопки, которыми местные танцоры или танцовщицы сопровождали свои движения, то глухие, то звонкие, чтобы понять разницу между сценической махой и реальной. И если в Париже Ульяна была очарована танцем качуча, то сейчас, наблюдая его во дворе своего замка, просто потрясена.

Артур, также смотревший с Ульяной «Хромого беса», был согласен с ней.

– Мне кажется, что любая из местных танцовщиц с легкостью затмила бы приму-балерину из «Опера де Пари», – восхищенно сказал он Ульяне после очередного танца. – Мы напрасно потратили наши деньги в Париже.

– Смотри не влюбись в одну из местных красавиц, – предостерегла его Ульяна. – Пусть я и не испанка, но ревнива не меньше, чем Фолет.

– Рядом с Марой все они блекнут, – сохраняя серьезный вид, ответил Артур. – А она сегодня не танцует. Так что ты можешь не беспокоиться.

Но он ошибся. Фолету удалось убедить жену в своей травме, но ему оказалось не под силу удержать ее, когда гитаристы заиграли прелюдию к пасодобле, музыку, под которую матадор выходит на арену. Коррида – любимое развлечение испанцев, и она намного больше, чем простое развлечение. Гитара не играла, а вызывала на схватку с разъяренным быком смельчака, готового рискнуть жизнью ради того, чтобы заслужить поцелуй своей возлюбленной.

Первым не выдержал Хуанито, которого Ульяна наняла ухаживать за лошадьми, приобретя их по совету Фолета, не любившего автомобили. В своей короткой курточке, узких штанах, белых чулках и черной треуголке низкорослый и сухощавый Хуанито сейчас ничем не походил на того молчаливого человека, который проводил почти все свое время на конюшне, предпочитая лошадей обществу людей. Это был настоящий тореадор, и не только потому, что он одел костюм тореадора. Хуанито, растолкав тех, кто преграждал ему путь, почти вбежал в круг и, подняв руки, замер в напряженной позе, давая понять, что он вернется с арены только победителем или погибнет в схватке не на жизнь, а на смерть. Зрители приветствовали его восторженными криками, подбадривая громкими ритмичными хлопками.

И тогда не выдержала Мара. Стряхнув со своей талии руку Фолета, она, при каждом своем шаге словно вбивая каблуки в землю, вышла в круг и встала перед Хуанито. Если он сейчас был тореадором, то она – мулетой, красным, словно кровь, куском ткани в его руках, который первым принимает на себя смертоносные удары рогов разъяренного быка.

Они начали сходить и расходиться, чеканя шаг, с расправленными плечами и высоко поднятой грудью. Это был не танец, а схватка. Каждое их движение имитировало действия, происходящие на арене во время корриды. Повороты были резкими и экспрессивными. Гор-танные вскрики терзали слух и волновали кровь. Апогеем стал финальный удар тореадора, когда он отбросил мулету и вонзил шпагу в шею быка. Бык рухнул перед ним на колени с предсмертным хрипом. Человек победил. Гитары сыграли торжествующий гимн.

Зрители бурно ликовали. Танцоры почти падали с ног от изнеможения, как физического, так и нервного. К ним подскочил, забыв о своей хромоте, которую он весь вечер старательно выставлял напоказ, Фолет. В руку Хуанито он почти насильно вложил бутылку с вином. А ладонь Мары приложил к своим губам и нежно поцеловал. И танцор, и танцовщица благодарно улыбнулись ему. Хуанито опорожнил бутылку одним глотком. А Мара ласково погладила мужа по всклокоченным волосам на голове, жестким на вид, но мягким, почти шелковистым, на ощупь.

К ним подошла Ульяна. Она была сильно взволнована и не скрывала этого.

– Хуанито, вы меня поразили, – сказала Ульяна. – Вот уж не думала, что вы так замечательно танцуете.

– Я тоже, – признался Хуанито и с восхищением показал на Мару. – Это все она. Я даже не помню, как танцевал. Помню только ее глаза. Они словно заморозили меня и вели за собой.

– Если ты, Хуанито, хочешь сказать, что я песанта, то встань в очередь, – лукаво улыбнулась Мара. Она уже пришла в себя. И даже ее высокая грудь поднималась и опускалась не сильнее, чем обычно. – Это уже не новость. Мой дорогой муженек много лет распространяет эти слухи. И только по одной причине – чтобы отвести от меня всех остальных мужчин.

Судя по сконфуженному виду Фолета, эти слова были не далеки от истины. Хуанито насмешливо ухмыльнулся и поскорее отошел от них, поймав на себе разгневанный взгляд Фолета.

Ульяна хотела что-то сказать, но вдруг ее пробрал озноб, и она нервно передернула плечами, словно почувствовала прикосновение к ним чьих-то липких пальцев. Весь вечер ее беспокоило это противное чувство, не дававшее ей возможности от души радоваться и смеяться. Как будто кто-то смотрел ей в спину, и она почти физически ощущала этот неприятный взгляд, несущий угрозу. А сейчас на ее лбу даже выступила испарина, которую она нервно вытерла дрожащей рукой. Она постаралась сделать это незаметно, но Мара увидела этот жест и заметила бледность, проступившую на загорелом лице Ульяны.

– Тебе не здоровится, девочка? – спросила она Ульяну тоном, очень похожим на тот, которым с ней разговаривал Фолет.

И Ульяна почти невольно призналась:

– Да, что-то мне нехорошо. Сама не пойму, что со мной.

Мара посмотрела на нее внимательнее. И спокойно сказала:

– Тебя сглазили. Причем совсем недавно. И тот, кто это сделал, вероятнее всего, еще находится здесь.

– Сглазили? – попыталась улыбнуться Ульяна. – Не может быть!

Но Мара ничего не ответила. Вместо этого она положила свои руки на голову Ульяны и сделала несколько быстрых плавных движений от лба к затылку и обратно. Сжала виски, поймала ее взгляд. И несколько мгновений не отводила своих глаз, словно пытаясь что-то рассмотреть в глубине зрачков Ульяны. Затем отпустила свои руки и отвела глаза.

– Теперь лучше? – спросила она.

– Да, – ответила Ульяна после недолгой паузы. – Намного лучше. Голова не болит. И нет озноба.

Она действительно чувствовала себя хорошо. Это произошло так внезапно, что потребовалось какое-то время, чтобы это осознать.

– Я же говорила, что это сглаз, – сказала Мара. Она выглядела усталой и словно разом постарела на очень много лет. Снятие с Ульяны порчи отняло у нее не меньше сил, чем танец. – Теперь все будет в порядке. Но постарайся не смотреть никому в глаза. И думай только о хорошем, потому что дурные мысли подобны дурной болезни. Скажи то же самое своим близким, мужу и сыну. Кто-то, мне кажется, желает вам зла. Будьте осторожны. Я не всегда смогу оказаться рядом.

Внезапно Мара покачнулась, и Фолет бережно поддержал ее под руку.

– Пойдем, дорогая, – сказал он, и в его голосе промелькнула нежность. – Ты слишком устала. Так танцевать в твоём возрасте...

– Не ревнуй, – мягко укорила его Мара. – Хуанито тебе в подметки не годится. И танцор он так себе. Не то что ты.

– Правда? – спросил Фолет. Его хмурое лицо просияло

– Правда, – успокоила его Мара. И попросила: – Проводи меня до стола, дорогой. Я хочу выпить вина, которое ты так расхваливал.

Они ушли, бережно поддерживая друг друга. Ульяна провожала их взглядом, пока они не скрылись в вечерних сумерках, окутавших замок. Электрический свет в субботний вечер не включали, чтобы не нарушать романтическое настроение. Двор освещали только несколько неярких костров. Блики и тени, повинувшись пламени, сменяли друг друга, образуя причудливые узоры на крепостных стенах, постройках, лицах и фигурах людей.

Вечер был в самом разгаре. Гости разбились по кучкам в зависимости от предпочтений в танце. Гитаристов и певцов, поддерживающих танцоров, было более чем достаточно. В центре одной из таких групп, исполняющей танец сардана, Ульяна увидела Артура. Этот коллективный танец не требовал особой подготовки и умения, его могли исполнять и молодые, и пожилые, главное было не сбиться с ритма. И Артуру это удавалось. Он был увлечен и радостно смеялся, забыв обо всем.

Ульяна невольно улыбнулась, увидев эту картину. Обычно Артур был более сдержан, стеснясь своей, как он говорил, неуклюжести. Он был ученый, и большую часть жизни провел в кабинете и лаборатории, игнорируя танцевальную площадку. И только с появлением в его жизни Ульяны все изменилось. Это не значило, что он увлекся танцами в ущерб науке. Но танцевать и смеяться он стал значительно чаще. И даже больше, чем Ксиу, который был серьезен не по годам, а танцевать, к великому сожалению Ульяны, не любил.

Подумав о сыне, Ульяна внезапно вспомнила предостережение Мары, о котором почти забыла, потому что не приняла его всерьез. И почувствовала, что ее сердце забилося сильнее и тревожнее. Она уже с полчаса, как не видела Ксиу. Потеряла его из вида, когда засмотрелась на танец Мары и Хуанито. Ульяна допускала, что Мара может быть права, предостерегая, но все-таки это был ее дом, и так не хотелось верить в худшее, тем самым невольно возвращаясь в прошлое. Поэтому, прежде чем очертя голову броситься на поиски сына или начать окликать его по имени, Ульяна, удерживая себя, попыталась отыскать его глазами в толпе. И вскоре, с облегчением вздохнув, увидела.

Ксиу был не один. Рядом с ним стояла какая-то женщина в черно-красных одеждах, почти неразличимых на фоне сумерек и пламени костров, сливавшихся с ними. Они с Ксиу о чем-то оживленно разговаривали. И беседа была интересной для обоих, Ульяна поняла это по оживленному личику сына и напряженному вниманию, отражавшемуся на лице его собеседницы.

– Ксиу! – невольно вскрикнула Ульяна, радуясь, что нашла сына, и он здоров и невредим.

Она была уверена, что ее возглас невозможно расслышать из-за музыки и шума голосов. Кроме того, Ксиу и женщина стояли достаточно далеко и были заняты беседой. Но каким-то образом женщина услышала ее. Она повернула голову еле уловимым движением, искоса посмотрела на Ульяну, и на ее лице отразилась досада, которую она не смогла скрыть. Она что-то сказала мальчику, опустив руку ему на плечо, и, не дожидаясь, пока Ульяна подойдет к ним, скрылась в толпе так стремительно, словно растворилась в сумерках.

Ульяна поспешила подойти к сыну. Ее тревога не только не утихла, а, наоборот, возросла – почему, она и сама не понимала. Ксиу тоже увидел мать и рассеянно улыбнулся ей. Он думал о чем-то своем.

– Кто это был, Ксиу? – спросила Ульяна, глядя на сына так, словно встретила с ним после долгой разлуки. – Ты ее знаешь?

– Кого, мама? – с удивлением спросил он.

– Ту женщину, с которой ты только что разговаривал, – пояснила Ульяна, сама не понимая, что ее так встревожило.

– В первый раз увидел ее сегодня, – ответил Ксиу.

– А о чем вы говорили? – продолжала допытываться Ульяна.

– Да, в общем-то, ни о чем и обо всем, – пожал плечами Ксиу. – Мне было скучно, я сидел около костра и рассматривал карту. Ту самую, с крестиками, которую мы нашли с Артуром в библиотеке. Помнишь?

– Разумеется, – вздохнула Ульяна. – Еще бы мне не помнить!

– Так вот, я так увлекся, что даже не заметил, как она подошла, – продолжал Ксиу. – Поднял голову, а она стоит передо мной. Я даже вздрогнул от неожиданности. А она рассмеялась и спросила, что это за карта. Я рассказал ей о кладе, который может быть зарыт в окрестностях замка. Она слушала, а иногда даже задавала вопросы. Ей это было интересно, мама.

В последних словах сына Ульяне послышался упрек. И она почувствовала себя виноватой.

– Мне тоже интересно, – сказала она почти смущенно.

Но она видела, что Ксиу ей не поверил.

– Покажешь мне вашу карту еще раз? – спросила она. – Все-таки я лучше вас с Артуром знаю эту местность. Если хочешь, то давай прямо сейчас.

Глаза Ксиу засияли от радости. Но тут же снова загрузили.

– Нет, мама, тебе надо быть с гостями, – вздохнув, отказался он. – И ты еще даже не танцевала. А все ждут этого.

Ульяна оглянулась кругом и тоже вздохнула. Ксиу был прав. Она была хозяйкой замка и не могла уйти, оставив гостей одних. Это было бы, по меньшей мере, невежливо.

– Хорошо, тогда завтра утром, – решила она. – Сразу, как только я встану. Ну, или после завтрака.

– Хорошо, – кивнул Ксиу. – А сейчас ты иди, мама. Обо мне не беспокойся. Я еще немного побуду здесь и пойду спать. Вот только дождусь, когда ты станцуеть.

– Тогда не будем откладывать, – улыбнулась Ульяна. – Хотя, признаться, после танца Мары и Хуанито я чувствую себя очень неловко. Теперь я понимаю Федерико Гарсиа Лорку, который так восхищался танцем восьмидесятилетней старухи на конкурсе исполнителей фламенко в Хересе-де-ла-Фронтера.

– Это та самая старуха, что вырвала первый приз у юных красавиц, покорила зрителей тем, как она вздымала руки, закидывала голову и била каблук по подмосткам? – спросил Ксиу. Ульяна часто рассказывала ему об этом эпизоде из жизни великого испанского поэта, и мальчик хорошо запомнил ее слова.

– Та самая, – кивнула Ульяна. – Так вот, Мара ей сто очков вперед даст, поверь мне. А кто я такая? Их жалкое подобие.

– Но для меня ты все равно самая лучшая в мире танцовщица фламенко, – утешил ее Ксиу.

– Не льсти мне, – погрозила ему пальцем Ульяна. – Не то я тебя поцелую при всех. Несмотря на то, что ты у меня уже такой взрослый и независимый.

И она выполнила бы свою угрозу, если бы Ксиу, оглянувшись по сторонам и покраснев от смущения, не взмолился:

– Иди же, мама!

Ульяна рассмеялась и отошла, возвращаясь к гостям. Она шла и почти физически ощущала на себе взгляды десятков танцующих и поющих людей, которые ждали, когда она присоединится к ним. И Ульяна не могла обмануть их ожиданий. Такой трусости она сама себе не простила бы никогда.

Ульяна подошла к сидевшему поодаль от остальных невысокому полноватому мужчине, который держал в руках гитару и с меланхоличным видом перебирал струны. Его наряд, состоящий из черных обтягивающих брюк, широкого пояса и белой рубашки с широкими рукавами, дополняла короткая, обшитая бисером, жилетка, называемая чалеко. Это был известный всей округе музыкант и певец фламенко по имени Хосе. Роскошные черные усы придавали ему грозный вид завзятого махо, всегда носящего в кармане наваху и готового в любую минуту извлечь ее, чтобы постоять за свою честь.

Ульяна с улыбкой тихо спросила его:

– Подыграете мне?

Хосе с готовностью кивнул и спросил:

– Что будете танцевать?

– Импровизировать, – ответила Ульяна.

Хосе кивнул с довольным видом. Он был горд тем, что хозяйка замка тамплиеров выбрала именно его, и не скрывал этого. Склонился над гитарой. Тронул струны. Кивнул Ульяне, давая понять, что готов. Горланно вскрикнул и, аккомпанируя себе и Ульяне на гитаре, запел сочиненную им же песню.

Гитара подобна
Водопадам страстей.
Созвучны душе моей
Струны, поющие
О мечте,
Словно птицы, парящие
В высоте,
В знойном небе Испании.

Ульяна начала с сапатеадо. Каблуки ее туфель выбили по каменным плитам частую звонкую дробь, которую она сопровождала размеренными хлопками ладони о ладонь. Пальмас, как называют танцоры фламенко этот прием, заменили ей кастаньеты. Затем она вскинула руки и медленно, словно с усилием, развела их. Легкая дрожь прошла по пальцам изогнутых рук, спустилась ниже, прошла по плечам, груди, бедрам. Это был дуэнде, который снизошел на нее и овладел ее телом.

Шестиструнной магией
На корриде любви
Сердце ранено.
Разорви
Сети чар,

Пути ревности,
И восстань,
В музыке оживи!

Теперь, пока играла гитара, Ульяна не принадлежала себе, она подчинилась духу фламенко. И зрители поняли это. Они начали размеренно хлопать в ладоши и подбадривать танцовщицу криками, в которых можно было расслышать угрозу и тоску. А Хосе продолжал петь. Его песня была безыскусственна и проста, но она была понятна зрителям и, трогая их сердца, вызывала у них ответные чувства.

Вечная мятежница,
Плачь и пой в исступленье.
С тобой мы
Навеки повенчаны,
Урагана южного пленница.
Вдохновенно
Мое сердце пронзаешь стрелой
Самой тонкой звенящей струны.

Гитара, монотонный голос певца, сапатеадо и пальмас звучали все громче, надрывнее. И когда они достигли невыносимой для зрителей высоты, Ульяна вскрикнула, словно протестуя, и замерла. Теперь живым было только ее лицо. Все чувства, которые она переживала в душе, отражались на нем, сменяя друг друга. Страсть, гнев, отчаяние, надежда... Не было только смирения.

О, гитара, заложница страсти,
испанского солнца сестрица!
Вспышкам молний
подобная,
Пряной нежности волнами
Меня обними,
Ты – вестник любви и свободы,
Словно жар-птица.

И снова первыми ожили руки. Прозвучали хлопки ладони о ладонь, каблук выбили звонкую дробь. Все повторялось, как сама жизнь. Смерти, как и смирения, не было. Уже изнемогавшая, казалось, Ульяна снова воспрянула и была готова к новой битве, вдохновленная страстным призывом, звучащим в песне Хосе.

Ты – окно из темницы на волю,
Ключи от оков,
Порыв раскрыть крылья,
В небе полет.
Я – струна твоего вдохновенья,
Исполненье мечты,
Отлученье от страха, сомнений,
Беспредел высоты!

Гитара смолкла. Голос певца затих. Танцовщица стояла в той же позе, с которой начинала свой танец. Вокруг было тихо. Раздалось только потрескивание дров в костре. И где-то звучал надтреснутый голос ночной птицы.

Тишина продлилась несколько мгновений, показавшихся Ульяне бесконечными. А затем зрители начали хлопать, топтать ногами и кричать, выражая свой восторг. И даже Хосе встал, восхищенный танцем. А Мара подняла вверх сжатый кулак с выставленным большим пальцем.

Это был настоящий триумф. Но Ульяна осталась к нему равнодушной. Такое бывало и раньше. Но тогда, в прошлом, ей было этого достаточно. Она была юной и глупой. Теперь все было иначе. Фламенко стало только частью ее жизни. И не самой значимой.

Она нашла глазами мужа и сына. И только после этого почувствовала себя по-настоящему счастливой.

Глава 7.

Лейтенант Мигель Гарсия не любил сюрпризов. Поэтому он почувствовал раздражение, когда рано утром в воскресенье его вызвали на службу.

Приказ исходил от его непосредственного начальника. Однако если бы не мысль, что капитан Карлос Санчес хочет сообщить ему лично о том, что его рапорт наконец удовлетворен, и он переводится из Гражданской гвардии в Национальную полицию, то Мигель Гарсия проигнорировал бы этот приказ. На прошлой неделе Мигелю Гарсии исполнилось тридцать пять лет. И он понимал, что если в ближайшем будущем ничего не изменится, то ему придется распрощаться с мечтами о Мадриде и до самой пенсии тянуть лямку в Лионе – заниматься опостылевшими мелкими правонарушениями и расследовать скучные банальные преступления, потому что в маленьком провинциальном городе других не бывает.

А он хотел много большего. Ему грезилась слава комиссара Мегрэ. Откровенно говоря, он даже хотел затмить ее. По мнению самого Мигеля Гарсии, для этого у него были все данные – привлекательная внешность, природное обаяние, незаурядный ум. И, что немаловажно, он не был обременен женой и детьми.

Но служба в Гражданской гвардии не позволяла ему проявить свои способности. В обязанности этого ведомства входило обеспечение общественной безопасности и дорожного движения, предотвращение преступлений, задержания подозреваемых лиц и прочая подобная мелочевка. Причем все это только в небольших городках и сельских населенных пунктах. Тогда как зоной ответственности национальной полиции являлись крупные города со всеми вытекающими отсюда для его карьеры последствиями.

Вот почему лейтенант Гарсия, услышав воскресным утром, в свой законный выходной, в телефонной трубке голос дежурного, который передал ему распоряжение капитана, поспешил в жандармерию, и не подумав сослаться на плохое самочувствие или что-то подобное. Он даже чувствовал радостное возбуждение, входя в кабинет начальника.

Но уже после первых слов капитана Мигель Гарсия испытал жестокое разочарование. Речь шла не о его рапорте, а о водителе, который умер за рулем своей машины, немного не доехав до замка тамплиеров.

Как и все жители Лиона, Мигель Гарсия знал об этом замке, являвшемся одной из местных достопримечательностей. Но он был уверен, что в Мадриде о замке тамплиеров ничего не слышали. Хотя бы потому, что подобных в Испании насчитывалось более двух с половиной тысяч. И все они были не более чем допотопными историческими реликвиями, пусть славным, но все-таки далеким прошлым Испании. А Мадрид, как и он сам, Мигель Гарсия, был устремлен в будущее. Как известно, в будущее не войдешь, не отряхнув, образно говоря, прах прошлого со своих ног.

Но было уже поздно протестовать, и Мигель Гарсия хмуро слушал капитана, который приказывал ему осмотреть место происшествия, отправить труп в морг и провести первичное дознание. После чего написать рапорт и сдать дело в архив.

– То есть я должен убить весь воскресный день на дело, которое не стоит выеденного яйца? – уточнил лейтенант Гарсия, выслушав капитана.

По всей видимости, у капитана Карлоса Санчеса в это солнечное воскресное утро также было плохое настроение, потому что он не стал ничего отвечать, а сурово рявкнул:

– Разговорчики, лейтенант! Выполнять приказ!

И добавил, смерив Мигеля Гарсию с головы до ног презрительным взглядом:

– Не забывайте, что вы служите пока еще не в Национальной полиции, где давно уже забыли, что такое дисциплина.

Лейтенант Гарсия не стал оспаривать это заявление. Он сразу понял причину немилости капитана и почему из всех сотрудников жандармерии тот вызвал именно его в выходной день. Капитан не мог простить ему поданный рапорт о переводе. Капитан Санчес, всю жизнь прослуживший в Гражданской гвардии, не любил тех, кто изменял ей, какими бы причинами они не руководствовались. И всячески давал им это понять.

– Есть, капитан, – ответил лейтенант Гарсия и поспешил выйти из кабинета, чтобы не наговорить лишнего. Он хотел перейти на службу в другое полицейское ведомство, а не быть отправленным в отставку из-за того, что нагрубил своему начальнику. Несмотря ни на что, служба в полиции ему нравилась.

Получив в дежурной части все имеющиеся в распоряжении полиции сведения о происшествии, которое ему предстояло расследовать, лейтенант Гарсия сел в автомобиль и направился по дороге, ведущей из Лиона в замок тамплиеров. У него было время обдумать полученную информацию.

Грузовик, который вез продукты в замок, нашли спустя сутки после того, как умер его водитель. Причиной смерти мог стать банальный инфаркт. По всей видимости, уже никем не управляемый грузовик съехал с шоссе и остановился только в рощице, росшей вдоль дороги. Из-за деревьев машину почти не было видно с шоссе, да и мало ли по какой надобности водитель мог заехать в рощу. Вероятно, именно так и рассуждали другие водители, проезжавшие этот участок дороги. На грузовик с мертвым водителем наткнулся кто-то из местных жителей, он же и позвонил в полицию.

Такое в их местах если и случалось, то крайне редко. Сам лейтенант Гарсия не мог припомнить ни одного подобного случая. Но всегда что-то происходит в первый раз, и это вовсе не гарантия того, что событие уникально само по себе. Лейтенант Гарсия знал это, прожив много лет в провинции, а потому заранее предвидел, что ему будет скучно, а, главное, он потратит свое время бездарно. Еще один день из такой короткой жизни канет в Лету, не оставив по себе ничего, кроме сожаления. И ни на шаг не приблизит его к Мадриду.

Подумав об этом, лейтенант Гарсия включил «мигалку» и нажал на газ. Он знал, что теперь все другие водители будут уступать ему дорогу. В этом не было необходимости, учитывая, что в воскресный день шоссе пустовало, но это было пусть крошечной, но компенсацией за испорченное воскресенье, которую он мог получить, не дожидаясь милостей вышестоящего начальства и не унижаясь перед капитаном Санчесом.

Проехав селение Вальверде, представлявшее из себя несколько десятков аккуратных маленьких домиков под крышей из красной черепицы, похожих друг на друга, словно растущая под одним деревом семейка грибов в лесу, лейтенант Гарсия довольно скоро увидел полицейскую машину, стоявшую на обочине, а рядом с ней автомобиль с красным крестом. Он еще издали заметил шлемы и светоотражающие жилеты полицейских и белые халаты санитаров. Те и другие стояли тесной кучкой, курили и о чем-то оживленно разговаривали, видимо, дожидаясь его приезда.

Лейтенант Гарсия припарковал свой автомобиль поблизости и подошел к ним походкой человека, не привыкшего терять ни минуты. Отрывисто спросил:

– Кто старший?

– Да вроде я, – отозвался один из полицейских, не меняя позы. Он был крошечный и юркий, словно полевая мышь, даже белая каска казалась слишком большой для его маленькой головы, спадая на глаза.

Возмущенный таким явным нарушением субординации, лейтенант Гарсия смерил его гневным взглядом. Это подействовало, как удар хлыстом. Полицейский отбросил сигарету, распрямился и доложил:

– Сержант Антонио Перес, господин лейтенант!

Мелкое, с заостренными чертами, личико сержанта не выражало ничего, кроме тупой готовности выполнять приказы вышестоящего начальства. Как вскоре выяснил лейтенант Гарсия, до его приезда полицейские даже не осмотрели местность, ограничившись наблюдением за грузовиком. Впрочем, его это устраивало. Обычно когда первыми на место происшествия являлись сельские жандармы, они затаптывали все следы. На этот раз у него был шанс, проявив наблюдательность и интуицию, доказать всем, а особенно капитану Санчесу, свой профессионализм. Жаль только, что дело такое пустяковое. Вот если бы водитель не умер, а его убили...

Подумав об этом, лейтенант Гарсия нахмурился. И, жестом велел сержанту следовать за собой, пошел по следу, который оставил в высокой траве грузовик, когда свернул с шоссе. Примятая трава уже поднялась, и след был едва заметен, однако он привел полицейских к грузовику, который стоял неподалеку в рощице с заглушим мотором, почти уткнувшись бампером в дерево. Водитель лежал грудью на рулевом колесе, его глаза были открыты, и лейтенант Гарсия мог бы поклясться, что в них застыл ужас.

– Бедняга, – сочувственно произнес сержант Перес, стоявший за его спиной. – Умер за рулем. Представляю, если бы такое случилось со мной! То-то бы жена рыдала, когда ей об этом сообщили бы.

Лейтенант Гарсия содрогнулся, также представив себя на месте водителя грузовика. А сержант, поощренный его молчанием, продолжал рассуждать:

– Интересно, а если бы я умер не на службе, а после дежурства, выплачивали бы ей за меня пенсию? Вы случайно не знаете, господин лейтенант?

– Прекратите болтать, сержант, – неожиданно разъярился лейтенант Гарсия. – Еще накликаете беду!

Лейтенант Гарсия был суеверен. Сержант Перес, вероятно, тоже, потому что он тут же перекрестился и помянул Деву Марию, тем самым пытаясь отогнать злых духов, которых могли привлечь его неосторожные слова.

– Спасибо, господин лейтенант, – сказал он. – Что-то я действительно разговорился.

– Лучше взгляните, что в кузове грузовика, – смягчился лейтенант Гарсия. – А я осмотрюсь вокруг.

Он обошел машину, но ничего, что могло бы его насторожить, не заметил. Вернулся на шоссе. Тоже ничего интересного. Следов от шин, которые указывали бы на то, что грузовик пытался затормозить, не было. Водитель, не снижая скорости, кстати, очень невысокой, свернул с дороги и продолжил движение, пока его безжизненная нога не соскользнула с педали газа. Все ясно, как белый день. Такое случается каждый день. Люди смертны. И далеко не все умирают в своей постели.

– Мы можем забрать труп, господин лейтенант? – спросил один из санитаров. – А то стоим здесь уже битый час в ожидании.

В тоне санитаря лейтенанту Гарсии послышался упрек. Он нахмурился.

– Мне надо осмотреть тело, – отрывисто произнес он. – Возможно, мы имеем дело с убийством.

Если бы не явное нетерпение санитаря, лейтенанту Гарсии и в голову не пришло бы такое сказать. Он изначально склонялся к версии естественной смерти, и она подтверждалась. Достаточно было беглого взгляда на труп. Лицо мужчины отливало синевой, как это бывает при сердечной недостаточности. Но теперь, чувствуя на себе неодобрительный взгляд санитаря, лейтенант Гарсия решил вернуться к грузовику и более дотошно осмотреть мертвого водителя. Пусть потерпит, как терпит он, лейтенант Гарсия. Жизнь приучает к терпению даже самых нетерпеливых или убивает их. А в конце концов убивает всех.

Размышляя таким образом, лейтенант Гарсия приступил к осмотру трупа. И почти сразу увидел то, на что не обратил внимания раньше. На шее мужчины, которую открывал распахнутый ворот рубашки, виднелись две крошечные темные точки с засохшими капельками крови.

Могло показаться, что это след от укуса какого-то маленького зверька. Или змеи, если бы эти гады могли заползти в кабину грузовика.

– Или от электрошокера, – произнес вслух лейтенант Гарсия, сам не понимая, почему он не догадался сразу.

Он внимательно читал записки о Шерлоке Холмсе и хорошо помнил метод этого великого сыщика, помогавший раскрывать самые запутанные преступления. Следовало отбросить самые невероятные предположения, а то, что останется, и есть истина. Он так и поступил – отбросил версии, связанные с укусами животных. Остался электрошокер, компактный переносной прибор, с помощью которого можно поразить человека током высокого напряжения и лишить его способности сопротивляться. Или убить, как выясняется. Продается электрошокер в магазине. Купить его не составляет особого труда, а носить можно в женской сумочке и даже в кармане. Идеальное оружие защиты или нападения, в зависимости от целей, которые преследует его владелец.

Лейтенант Гарсия почувствовал радостное возбуждение. Происшествие, которое он первоначально посчитал банальным и скучным, принимало иную окраску. Водитель грузовика умер не сам, его убили. Расследуя это дело, можно было даже прославиться. Все зависит от мотива преступления и от того, кто его совершил.

Полицейский взглянул в ту сторону, куда двигался грузовик, и увидел зубчатые башни, казавшиеся особенно мрачными на фоне утреннего голубого неба. Построенный на вершине холма, замок тамплиеров был виден издали. Он мог показаться призраком, если бы Мигель Гарсия не был уверен в его существовании.

Вероятнее всего, подумал лейтенант, водитель направлялся в замок, когда его убили. Возможно, кто-то очень не хотел, чтобы он доехал. А по какой причине – это ему предстояло выяснить. И как можно скорее. Ведь и так уже прошло более суток. За это время можно было замести любые следы. Или совершить что-то похуже. Бездна наказанности неизбежно порождает новые преступления. В этом лейтенант Гарсия был уверен.

– В грузовике морепродукты, – подойдя, доложил добросовестно исполнивший приказ сержант Перес. Еще издали лейтенант почувствовал исходящий от него неприятный запах. – Все уже протухло на такой жаре.

– Как вы думаете, куда вез продукты водитель? – на всякий случай спросил лейтенант Гарсия.

– Вероятнее всего, в замок тамплиеров, – ответил сержант. И пояснил, словно оправдываясь: – Здесь больше некуда, господин лейтенант. Местным жителям морепродукты из города, да еще в таком количестве, ни к чему.

– Хорошо, – удовлетворенно, так как сержант подтвердил его мысли, кивнул лейтенант Гарсия. – И это, несомненно, повод, чтобы навестить в замок тамплиеров. Как вы думаете, сержант?

– Никак не думаю, – честно ответил его собеседник. – Вам виднее, господин лейтенант. Только имейте в виду, хозяйке замка может не понравиться, что в воскресенье утром к ней заявила полиция.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.